

Вероника Рябинина

**ЛУННЫЙ БОГ –
MOON BOG**

Вероника Рябинина

Лунный Бог – moon bog

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40219711

ISBN 9785449073822

Аннотация

В романе я описываю, как в человеке преломляется понимание себя в изменившемся мире, и эта расколотая часть сознания начинает жить своей жизнью, формируя новые пути выживания, вредные привычки, а вместе с тем и новую реальность. Человек принимается к ней приспособливаться. Но вот вопрос: а что делать с той реальностью, от которой человек убегал и не смог до конца убежать? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	49
Глава 3.	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Лунный Бог – moon bog

Вероника Рябина

*Ибо попавшее в меня мною будет принято –
таков закон всего.*

© Вероника Рябина, 2018

ISBN 978-5-4490-7382-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Не верь никому

Оля приехала в Петрозаводск на подготовку к экзаменам. Взяв из университетской библиотеки заказные книжки, она решила заскочить к Настёне, к своей двоюродной сестре. Она жила неподалёку от универа. Вернее, в общежитии сестра уже не жила, а обитала неофициально. Ещё в Сортавале до Оли дошли слухи, что Настю с учёбы турнули и Насте, негде жить.

«Вероятно, Настя скитается сейчас по подругам, – подумала Оля. – Со студентами в России никогда не церемонилась!»

Так оно и вышло. Напуганная провалом, Настя боялась возвращаться домой к своим «твердолобым, прямоугольным родителям», как она их называла. Оля всё же понимала, как бы это ни было печально, но кроме как родительской крыши над головой, никакую другую Насте не предлагали. И эта крыша всё же лучше, чем цыганское небо в карельскую стужу. Эту мысль и пыталась донести Оля до сестры, как только они встретились.

– Мамаша меня доконает. Она не простит мне вбуханных денег в свой проект, – убеждала Настя, как только просекла Олину мысль. Под проектом она имела в виду себя, вернее

свою одарённость, которую видела в ней мама, но не видели другие люди.

Настя, как наяву, ощущала все эти предстоящие скандалы с деспотичной матерью, все эти бла, бла, бла – избитые упреки в тунеядстве, иждивенчестве, бездарности. Мать Настина как могла, так и понимала свою родительскую любовь и как могла, так и выражала. Настя вся ссутулилась, потолок сужался до невозможного и опускался на её голову. Она набрала в бронхи воздух и быстро выдохнула:

– Нет! Уж лучше я где-нибудь сама. Перекантуюсь как-нибудь без неё.

Оля всё же уговорила Настю попытать счастья – вместе поискать денег на поезд, чтобы вернуться домой, в родной город вместе. По крайней мере, если будет так плохо Насте с мамой, решила Оля, уж у неё-то угол для сестры всегда найдётся.

Девушки отправились на рынок чтобы раздобыть денег на билет. У Насти там были «свои люди» – валютчики. Эти крутые ребята служили своего рода живыми банкоматами. Они неплохо наживались на разнице валют. О знакомстве с ними Настя не особо любила распространяться: они давали ей денег займы – и это их на время сближало.

Девушки зашли на торговую площадь. Настя удалилась за ворота рынка с одним мордovorотом, Оля осталась одна и от скуки принялась разглядывать толпу. Вдруг взгляд остановился на странном силуэте. Силуэт больше походил

на тень зомби. С фиолетовыми губами и бегающими глазами, в свисающем до пят кожаном плаще, он, как обморок в плаще, выделялся из толпы. Худощавый, высокий и бледный, как простыня, парень неуклюже передвигался от лотка к лотку. Прямо как слон на арене цирка, промелькнуло у Оли в голове.

Стоп! Так это и был Слон! Оля аж подпрыгнула. Их Слон из тусовки!

Как же сильно он изменился! Из упитанного, как пирожок, румяного бабушкиного внучонка вылутился нескладной старик. Причём сразу. Слон слонялся меж прилавков, нервно теребя длиннющие рукава плаща. Беспорядочно блуждая взглядом поверх предметов, он поднимал глаза к солнцу, шурился, приостанавливаясь у тех прилавков, на которых лежали блестящие побрякушки, медленно подносил стекляшки к свету, рассматривал их, как ребёнок, любясь игре цвета на солнце, прислушиваясь к своей музыке, которая, по всей видимости, звучала у него внутри. Музыка воодушевляла, и Слон, как юродивый, блаженно шурился в улыбке. Вволю налюбовавшись блестящей побрякушкой, он также медленно ставил вещь на место, а затем угловато передвигался вперёд, до следующих лотков.

Что он искал здесь, было никому не ведомо, однако весь его вид не внушал доверия. Оля заметила, что многие чурются его, следят с опаской. Вдруг на глазах у любознательной публики парень резко перегнулся через прилавок, с силой

оттолкнул пышногрудую продавщицу и, вынув из кассы пачку фиолетовых купюр, ринулся к выходу. Торговка недолго думая заголосила: «Держите! Держите вора!» Проснувшиеся от полуденной рутины рыночные зеваки оживились: «Пацан, ты что, идиот?! Отдай деньги!» – закричали. Но беглец успел уже скрыться за воротами рынка. Толпа быстро рассосалась, а женщина у кассы осталась разводить руками, матеря вора, одна.

Оле стало противно. Она была не просто шокирована случившимся. Она чувствовала себя ребёнком, которому чего-то не «дорассказали» про этот мир. Она всегда знала Слона как самого порядочного человека. В тусовке Мировских с его мнением считались. Ещё два года назад он был для Оли самым крутым парнем. Потом он пропал куда-то. Поговаривали, что подался в большой город за «деньгой». Теперь Оля стояла у ворот рынка и пыталась понять, что это за деньги и почему на них позарился её друг детства?

Однако вопрос денег ещё никто не снимал с повестки дня.

Весь день девчонки проскитались по городу в поисках родного лица. Им тоже нужны были деньги – деньги на дорогу. Вот уж несколько часов они торчали на вокзале, и всё коту под хвост. То ли от того, что сегодня не их день, то ли от того, что у них в этом городе слишком мало знакомых, но сегодня не везло. От нечего делать Оля начала болтать с двумя пенсионерками. Они только что подсели к ним как бы невзначай. Старушонки предложили построить вме-

сте с ними царство Божие. Оля с любопытством взглянула на старушек, задачка как раз для скучающих на пенсии пожилых дам. Дамы выглядели, словно свежеиспечённые булочки, такими домашними, румяными, они прямо дышали теплом и заботой изнутри. Оле как-то совесть не позволила попросить у них мирской десятки на банальный билет. От скуки она принялась перелистывать журнал, который ей только что втюхали эти две женщины. Равнодушно скользя взглядом по картинкам с красивыми людьми резвящимися на лоне природы с дикими животными, девушка силилась вспомнить, где-то она что-то подобное уже видела.

– Есть в этом красиво размалёванном мире всё-таки нечто от Нарцисса. Почему у вас здесь они все такие красивые? Даже темнокожие какие-то не такие, как в жизни, – задумчиво прокомментировала Оля.

– Потому что в новую жизнь войдут не все. Только избранные. Они будут жить в гармонии с окружающим миром, и поэтому весь мир будет красивым. Мир преобразится, и люди все станут красивыми, – отчеканила одна из старушек так, как их учили.

– А кто вам сказал, что сейчас они уроды?! – удивилась Оля.

– Ну всё равно, когда придёт Иегова, они станут лучше.

– Ещё, скажите, они станут совершенными. И все на земле станут белыми и пушистыми. Да будет вам известно, что их облик совершенно их устраивает. Если он не устраивает

вас, то вам есть над чем поработать. Разве можно, например, злиться на то, что осина не может стать берёзой. Это утопия – ждать от осины берёзкиной красоты, или ждать того, чтобы все люди стали вот такими вот, как у вас на картинках. Никогда Рая на Земле не будет, слышите, никогда! И никогда другой человек не сможет соответствовать вашим ожиданиям на все 100, просто хотя бы потому, что он другой, и у него есть свои представления о рае.

Но старушек, по-видимому, Олины доводы несколько не смутили. Старушки были закалёнными сталинскими репрессиями, а потому непробиваемыми. Перед ними стояла иная задача – завербовать как можно больше участников в своё «семейство». Бабулькам обещали за это жизнь вечную. Звучит заманчиво, подумала Оля и вздохнула. Но тут подошла ещё одна старушка. Пожилая женщина тихо подседа и стала вещать свою правду жизни об Иисусе Христе. Настя не удержалась и презрительно фыркнула в сторону:

– Тьфу ты ну ты! Опять 25! Ещё одна свободные уши ищет!

Но Оля настороженно прошептала:

– Тише! Не спугни! Нам только они сейчас и могут помочь. Они и боженька...

– Да чего ты к этим бабкам прицепилась? Им бы свободные уши найти, да лапшу вешать. Откуда им знать про рай или ад? Оттуда ещё ведь никто не возвращался! Они хотят жить хорошо там, – убеждала Настя, многозначительно ука-

зав пальцем вверх, – поэтому они готовы всё терпеть, а я здесь хочу жить. Здесь и сейчас! Поэтому я буду делать то, что хочу!

– Да, но существование души ты же не будешь отрицать? – снова встряла в разговор пожилая женщина с иными видами на Христа.

– Ну откуда мне знать. Это всё мистика народная, – раздражённо ответила Оля.

– А как же преследующий тебя один и тот же сон про беспризорную собаку, которая приходит к тебе и зовёт по ночам? – тихо спросила женщина, с интересом заглядывая Оле в глаза.

– Откуда вы знаете про сон? – вдруг насторожилась Оля, подойдя к женщине вплотную. – Иногда я вижу собаку во сне. Это правда.

И тут Оле пришла в голову бредовая идея. Нет ничего лучше здоровой конкуренции. Она тут же пододвинулась к воинственно настроенным старушкам, к тем, что были подсланы свидетелями Иегова¹, и задала им такую задачу:

– Что вы мне посоветуете? У нас в кармане ни гроша, а нам надо добраться до дому. Где нам денег раздобыть?

Одна старушка тут же раскрыла Библию и, пролистав несколько страниц, ткнула пальцем.

– Вот, – старушка наморщила лоб от напряжения. – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие небесное», – или

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

вот ещё. – «Просите – и получите, ищите – и найдёте, стучите – и вам откроют. Каждый, кто просит – получает, кто ищет – находит, кто стучит – тому открывают.» Если вы, какими бы злыми вы не были, умеете давать своим детям доброе, то Небесный Отец даст доброе и вам! Верь в Отца нашего, детка. Он вас спасёт.

– Опять слова... Башка уже трещит от этого пустозвона. Спасибо, бабушки, утешили. Бог без действий – это не Бог. Фантом, – прокомментировала Настя.

Оля всё же с подчёркнутым почтением приняла от них журнал, и бабульки, довольные выполненной миссией, слились с общей массой прохожих.

Настя с Олей посидели ещё немного, наблюдая за происходящим вокруг. В стороне какой-то чумазый бомж собирал бутылки; череда вырастающих из неоткуда коммивояжёров пыталась продать отъезжающим зевакам бытовую мелочёвку, вроде небьющихся фонариков и чудо-зажигалок.

– Подожди минутку, – сказала Оля в сторону и двинула к другой старушке, к той, что недавно участвовала в их дискуссии и теперь сидела поодаль на другой скамейке. Оле неважно было, какой веры эта старушка. Она нутром чуяла, что она живая, не зомбированная.

– Извините, нам не на что позвонить домой. Вы не могли бы купить у меня книжку за 5 рублей, – обратилась она в отчаянии.

Женщина без слов достала деньги из кошелька и протя-

нула Оле.

– Конечно. Вот. Возьми, деточка. А книжку? Книжку ты сбереги. Мне чужого не надо, а она тебе ещё пригодится, – сказала женщина. – Кстати, что за книжка-то?

– Котлован Платонова

– Вот, доченька, читай историю человеческого зла, читай внимательно, чтоб мы снова в Котлован-то тот не попали, не пришли к тому, от чего снова без оглядки бежим.

– А от чего мы сейчас бежим?

– От стыда, деточка, от позора. Стыдно нам перед вами. За самих себя, деточка, стыдно. За то, что теперь вот вы за наше малодушие расхлёбываете. И ваши дети будут расхлёбывать, и дети ваших детей будут расхлёбывать. А всё потому, что не хотим жить по правде. Придумываем небылицы про нас самих, всякую отсебятину.

– Да ну? Откуда вы это взяли?! Никто не хочет быть обманутым! Это же очевидно, как факт!

– О! Ты ещё не знаешь силу слова, деточка! Великие сумерки сгущаются над миром. Собак бездомных буде много бродить. Лет через 20 будет война. Война умов. Брат на брата пойдёт. А своих солдат в этой секретной войне будут хоронить секретные службы в засекреченных могилах. Править нами будет Великий император. Но сам он будет без царя в голове. Он наворуетя со своей свитой «по секрету» так, что даже дураку будет понятно, какова цена секрета. У этого царя родятся всё по тому же «секрету» деточки. Они бу-

дут ходить под чужим именем. Будут сторониться отца. Его, вообще, все сторониться будут, как бешеного пса. Народ будет бояться его, а он – народ. Страну будут всё время страшить секретные агенты своими страшилками. Они сделают из людей секту голодных котят, которые будут одновременно и молиться на своего хозяина, и страшиться его. Все мыслящие по-иному станут чужими, а всех, кто отличился в разоблачении этих чужих, царь будет тайно впускать в свою вечерю, вручать им свои секретные знаки почёта – нашу с тобой землю. И нам с тобой, дитяtko, ходу туда не будет. Наш народ не любит крови, поэтому он выберет повинование. У народа не будет ни времени, ни сил выйти из этой комы. Смута, голод будут повсюду. А царь тот в войнушки заиграется. Помяни моё слово, заиграется! Ну ничего. И на старуху бывает проруха.

Оля глянула в её прозорливые глаза. Что-то промелькнуло в них такое, что бередило Олин ум. В глазах престарелой женщины сквозь слёзы мерцали угольки доживающего тепла, словно она на самом деле всё видела, пропускала через себя и пребывала уже где-то там, в мире, где прошлое сливается с грядущим. В тех мироточивых глазах старухи тонули, и немчики, и арапчага, и украинчики, – всем нам хватало в ней место. Всех нас живущих и страждущих на земле она принимала и жалела загодя. Особенно тех, кто шёл позади неё.

Неужели всё так и будет, растерянно подумала Оля, вни-

мательно вглядываясь в печальные глаза старухи. А может всё-таки померещилось?

Так или иначе, но на всю жизнь в память врежется этот обеспокоенный, всепрощающий взгляд старухи. Ощущение фатального бессилия что-либо изменить, словно огромная, грозная туча, тяжким бременем ляжет на Олино осознание происходящего, на ощущение момента времени, на улавливание хода истории, своей истории.

Девушки цеплялись всё ж за жизнь, как могли. Раздобыв денег, они ринулись к телефону. Но тут возникла другая дилемма. Куда звонить? Кому? Домой? Расстраивать родителей. Пока те очухаются – проплаченное время истечёт. Единственной соломинкой в этой ситуации Оля видела Андрея. Что-то подсказывало, что он откликнется. Оля мгновенно набрала номер. Из другого конца провода раздалось бодрое: «Алё». А через несколько минут – решительное: «Оставайтесь там! Скоро буду!»

Андрей не подвёл – примчался быстро. Но когда он приехал, ситуация в корне поменялась. Пропала Настя. Уехала с каким-то фраером знакомым на пару часов, и вот уж как пять часов прошло, а Настя всё так и не появилась. Оля с Андреем обзвонили всех Настиных знакомых, а потом её знакомых знакомых, но всё вхолостую – Насти нигде не было.

– Куда она могла запропасться! Не девушка, а 33 несчастья! Вечно она у тебя влезет в какое-нибудь дерьмо, – пле-

вался Андрей.

– Я не знаю. Она уехала с каким-то лысым мордоворотом. На нуворишу смахивает: морда о! – округлила Оля руки у щёк. – Грудь волосатая, в наколках, смотрит нагло, жвачку жуёт. Тьфу! – сморщилась Оля. – Противно! Зато тачка у него навороченная.

– Да? А какая тачка? – оживился Андрей.

– Чёрная.

– Мда, – ухмыльнулся он. – Не густо. А номер машины? Модель? Хоть что-нибудь более информативное можешь сказать?

– Не знаю, – напрягая память, проговорила Оля. – Настя, когда уходила, сказала, что с Академиком встречается.

– Академик? – настороженно повторил Андрей, уставившись задумчиво в пол. Вдруг зрачки его расширились. Андрей испуганно-вопросительно глянул Оле в глаза – взвешивал про себя что-то.

– Оля! Это что? Тот академик? Если это он, мы попали. Пошли!

– Куда?

Но Андрей уже вскочил, и Оле ничего не оставалось, как торопливо засеменить за другом. Андрей быстро шёл и звонил «по трубе» кому-то, договаривался о встрече.

Они направились на его машине к окраине города – в спальный район. Доехав до места, спустились в подвал, оборудованный под мужской фитнес-клуб. В просторном

боксёрском зале был только один мужчина. Стройный, с накаченными бицепсами и, как все боксёры, на лысо выбрит. Он отчаянно лупил грушу, не видя, кроме неё, ничего перед собой. Оля с Андреем подошли к нему совсем близко, но мужчина не прерывался.

– Мохнатый! – окликнул его Андрей, расплывшись в добродушной улыбке.

Мужчина оторвался от груши, прищурился, всматриваясь в обозначившуюся помеху справа, и вдруг счастливая улыбка озарила его потную физиономию.

– Андриана Челентано! Кого я вижу? Здорово, братан! Ой, как же давно я тебя не видел! – заголосил он, крепко сжимая Андрея в своих объятиях и по-мальчишески смущаясь своего восторга.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Привет, Мохнатый! А ты, я вижу, своим привычкам не изменяешь. Удар всё такой же сильный. Да и сам ты в отличной форме. Молодца! Как там твой Рекс поживает? Забурел? – вспомнил Андрей про собаку.

– Да разжирел, как свинтус. И своё и кошачье подъедает. Целыми днями у Мусиной миски пасётся. Вчера так и вырубился там, прям мордой в миске заснул.

– Вот прорва! А вы его случайно не кастрировали? – подшутил Андрей.

По их восторженным лицам видно было, насколько они соскучились друг по другу, насколько сильно скрепило их

доверие в дружеские узы. Им было о чём поговорить, но как всегда это бывает во взрослой жизни, всё как-то не до этого. Обоих засосала повседневная, рутинная канитель.

Алекс с мальчишеским любопытством взглянул на Олю, а потом интригуяще – на Андрея. Тот кивнул:

– Да. Да. Моя девочка. Олей звать, знакомьтесь.

Алекс приветливо кивнул Оле и подал ей руку.

– Оля, – смущённо улыбнувшись, неловко протянула ему руку в ответ.

– Очень приятно, а я Алекс, – ответил он, пожав её ладонь.

– Оленька у нас ещё маленькая и плохо разбирается во взрослом мире, – продолжил Андрей. – Она пока ещё не умеет тратить деньги и отвечать за свои поступки. Ну а теперь к делу. Что ты скажешь насчёт Академика? – спросил он, сменив снисходительный тон на жёсткий.

Серьёзно переглянувшись друг с другом, мужчины тут же уловили, куда ветер дальше подует. Алекс закурил. Он знал, что Андрюха неспроста к нему пришёл. Алекс уже не раз крышевал друга на своей территории. Ещё в роте ему дали погоняло Громила. Из них всех он мог выходить один на разборки и громить в одиночку всех на своём пути.

– Этот Академик всегда был падким до девочек, – принялся вводить в курс дела Алекс и незаметно перешёл на мат. – Всё ему мало: бабок мало, девок мало. И куда в человека столько лезет?! В гаражах марихуану выращивает. Наркобарон недоделанный. У него денег как грязи. Не так давно

за насилие малолеток ему дело шили, так откупился, падла! У братвы везде свои люди. Хотя уже не раз предупреждали его, уймись! Так нет! Ему насиловать баб надо! Будто прёт ходить по лезвию ножа. Просто прёт! А! – махнул Алекс рукой. – Горбатого могила исправит.

– Вот-вот, её-то нам и надо, – сказал вдруг Андрей.

– Хорошо. Давай ближе к делу!

После того, как Андрей в двух словах изложил суть дела, Алекс тут же начал координировать дальнейшие действия.

– Заедем в кабак, узнаем, где этого фраерка выцепить. Ты поедешь со мной?

Андрей кивнул. Алекс схватил косуху² со стула, сунул в карман что-то похожий на пистолет и мотнул головой в сторону выхода.

– Боюсь, опоздаем. Надо торопиться, – встревоженно сказал Алекс и, обратившись к Оле, добавил: – Эх! Вляпалась твоя сестрѐнка по самые гланды. Будем надеяться, что её там нет.

Дорогой ехали молча, каждый про себя прокручивал предстоящие кадры операции. Молчание нагнетало тревожные сумерки. Мужчины готовились к худшему. Они молча завезли Олю к Алексу домой, молча оставили её там. Алекс молча вдарил по газам. И вот их машина стояла у цели. Подъезд Академика. Серые ступеньки. Андрей и Алекс

² В разговорном языке кожаная куртка.

быстро поднялись на второй этаж. Алекс выбил дверь с одного удара, мужчины ворвались в квартиру. Их неожиданный приход произвёл на Академика должное впечатление – на минуту его перекосило. Бандита моментально скрутили, связали, всунув кляп в горло.

В тот момент Андрей с Алексом услышали в другой комнате еле различимые человеческие звуки. Оба как по команде ринулись туда. Там, на полу, сидела Настя, испуганно забившись в угол, и тихо скулила. Как побитая хозяином дворняжка, она поджала под себя колени, пряча смущённо в уцелевшие лохмотья оголённое, раскрасневшееся тело. По щекам чёрной струйкой стекала «ночь» – тушь, предательница, подвела. На шее болтался неприкаянно шёлковый шарфик – напоминание о прошлой жизни. Шарфик был измазан кровью, и это служило теперь неопровержимым напоминанием о жизни нынешней.

Кровь была повсюду – на диване, на обоях, занавесках. Много крови. Валялась разбитая посуда, стулья и кровать в хаосе и смятении. Всё свидетельствовало о том, что они опоздали. Самое страшное уже произошло.

Пнув со злости всё еще пытающуюся брыкаться человеческую тушу, Алекс выдавил сквозь зубы:

– А с тобой, пупс, мы ещё поговорим! Давай-ка, Андрюха, завернём его, на всякий случай, в ковёр.

Мужчины перенесли в машину обречённую ношу в багажник. Алекс захлопнул дверцу багажника и обратился с мол-

чаливым вопросом к Андрею: «Ты как? За?» И прочитал на невозмутимом лице друга внушительное: «А как ты хотел?!»

Андрей после того, что увидел в квартире, и не сомневался, что Алекс доведёт дело до конца. И какой это будет конец, Андрей примерно догадывался. С волками жить по-волчьи выть. Алекс привык к зверским законам ещё в армии и теперь, вроде бы живя в мирное время, не замечал особой разницы. Как и в Афгане, Алекс и здесь выполнял ту же работу – защищал своих, убивал чужих. На войне как на войне, приговаривал он. Только там ему всё было просто и ясно, а здесь, когда свои своих рубят – трудно было порой разобраться, кто есть кто, на чьей стороне воевать? Ради какой такой цели?

Друзья молча заехали за Олей к Алексу на квартиру. Так же без слов забрали девушку и двинули дальше. Видно было, что все на взводе. Настя сидела в машине, как чумовая. Уткнувшись щекой к окну, она тупо смотрела на медленно спускающуюся по оконному стеклу дождинку, пробовала со своей стороны стекла её пальцем поймать. Капелька спокойно скатилась с уличной стороны, а Настя так и осталась отстранённо смотреть на окно, словно смотрела на мир из иной реальности. Андрей решил разорвать эту затянувшуюся паузу.

– Настя, у тебя шея красная. Он тебя душил? – осторожно

спросил.

Настя молча кивнула, едва сдерживая слёзы.

– Сволочь! – сжав руки в кулак, произнесла Оля. – И как земля таких носит!

– Носит, солнышко, и не таких носит. Ну ничего, мы с ним ещё поговорим. Что ты, Насть, хотела бы, чтобы с ним стало после всего этого.

– Ах, оставьте меня в покое!

– Не. Ну сколько ты хочешь с него в денежном эквиваленте?

– Не знаю, мне всё равно, – равнодушно произнесла Настя, содрогаясь всем телом от внутренних истеричных всхлипов.

– Я бы точно не смогла бы думать про деньги, когда итак хреново, – поддержала Оля. – Чтоб у него отсохло одно место!

Ехали молча.

– Странно, я ничего не чувствую, – вдруг завела Настя первая. – Вообще ничего. Как фильм ужасов посмотрела. И всё!

Андрей догадывался, что это защитная реакция организма. Она, как подушка при аварии, включается автоматически и предохраняет от боли. Он знал, что осмысление случившегося ещё долгое время будет требовать от неё невероятных усилий, что ещё долго наедине с самой собой она будет искать и не находить ответа на свои душераздираю-

щие вопросы. Душевные раны не кровоточат – они воняют, и с его душком придется ужиться. Ничего не поделаешь, вздохнул Андрей.

– А что ты видела в этом кино? Можешь рассказать? Ну... Если не хочешь, не говори, конечно.

– Не знаю... Не помню... Так эпизодами всплывает. Как душил... Как насиловал. Эти бешеные глаза... Эту жирную тушу. Его толстые пальцы. Трудно говорить.

– Подонок! – не выдержала Оля.

– Ты не бойся. Рассказывай, если хочешь, что приходит на ум, говори. Всё, что крутится в голове, – продолжал Андрей, устремлённо выводя Настю из ступора.

– Помню, как села к нему в машину, и мы поехали к нему за деньгами. Помню, как он закрыл дверь на замок. Помню, как сначала всё комплиментами сорил, что мне, мол, такой красивой, надо устраивать свою жизнь где-нибудь в Испании, и что он сможет мне помочь – ну переезд там, работу и всё такое. Я, конечно же, отказалась, – Настя запнулась, морща лоб от неприятных воспоминаний. – Тогда он разочлился и начал меня бить. Сказал, что ему стоит сделать один звонок, как меня поместят в закрытый бордель, и что мне из него не выбраться будет.

Настин замученный взгляд едва просвечивался сквозь слёзы. Воспоминания заполняли её сердце отчаянием, неподъёмным грузом давили на грудь. Ей стало тяжело дышать. Она как рыба пыталась глотнуть воздух, но грудь со-

дрогалась от тщетных попыток. Настя снова всхлипнула. Оля гладила Настю по голове, не зная, чем ещё сестре помочь.

– А что было дальше? – не унимался Андрей.

– А дальше – больше. Пришли мужики, сорвали с меня одежду. Один из них начал фоткать. Я была голой.

– Они тебя били?

– Да. Когда я сопротивлялась. Академик меня бил, называл всякими гадкими словами. Пинал. Потом, когда фотограф ушёл, он кинул меня на кровать, задрал юбку. Я случайно его оттолкнула. Сама не понимаю, как у меня это вышло. Он отлетел на пол. Я стала звать на помощь, пыталась выбежать на улицу, но дверь была заперта. Я поняла, что в ловушке. Он подбежал сзади и повалил на пол. Я все не переставала звать на помощь, а он заткнул мне рот, – Настя смахнула салфеткой слёзы, – подушкой. Я нащупала здоровый, железный предмет и ударила им по башке. Он схватился за голову, отскочил. У него на голове была кровь. Он это заметил, ещё больше разозлился.

Настя закурила. После двух затяжек продолжила.

– Он повалил меня на пол. Я сопротивлялась, как могла, но он начал душить. Мне было больно, я задыхалась, помню только в глазах его бешенство и слова: «Убью! Убью гадину!» Дальше я потеряла сознание и ничего не помню. Очухалась только, когда вы пришли.

Страдания всё больше и больше прорывались наружу. На-

стя больше себя не сдерживала – рыдала взахлёб, временами она то всхлипывая, то истерично содрогаясь. Оля лишь молча обнимала её и тихо гладила по голове, как в детстве делала ей мама. Она даже приговаривала, как она:

– Ничего. Всё образумится. Всё уладится! До свадьбы заживёт – успокаивала Оля сестру, в глубине души она думала уже о том, как бы придушить эту гадину. Андрей, продолжая рулить, холодно произнёс:

– Не доверяйте никому, девчонки.

– И даже тебе? – твёрдо спросила Оля, ловя его грустный взгляд в зеркале.

– И даже мне, – ответил он.

Оля навсегда запомнит эти слова, тот режущий холодный тон в горле. Она чувствовала себя так, как будто мир распилили пополам на тот, что до и тот, что после. Этот мир всё больше и больше раскалывался на бессвязные осколки. Андрей мчался сюда за Олей по опасной дороге 160 км в час, рисковал своей жизнью с Академиком. Зачем?! Чтобы сказать ей вот это! Не доверяйте никому?! Абсурд, да и только!

Дома Оля потихоньку оттаивала. Здесь ей не надо было притворяться глухой и немой к чужим бедам. Не надо было делать вид для кого-то, что умеет постоять за себя и что к ней лучше не подходить. Она порядком устала от всего этого фарса в Петрозаводске. Девушка дрожащими руками схватилась за сигарету и закурила. Дым отвлекал её от мыс-

лей. Он, как предрассветная поволока, обволакивал её печаль таинственной туманностью. Печаль из сигаретного дыма смотрела на Олю и вместе с дымом улетала. А дым... Дым манил за собой. Дым ускользал, но ускользая, он давал надежду, насыщал миг надеждой и смыслом. Дым нашёптывал. «Ты в тепле, в безопасности. Вчерашнее осталось во вчерашнем. Всё плохое позади – всё хорошее впереди.»

И всё же тревожные мысли, как назойливые мухи, жужжали вокруг вчерашнего дня. Ещё вчера она и в мыслях не допускала, что кто-то сможет позволить себе поднять руку на её сестру. Зачем? Ещё вчера она думала, что им с сестрой до их собственной смерти грести и грести. Но с этого момента она впервые почувствовала, что их лодкой жизни управляет его величество Случай. Беспорядочно и беспощадно. Душу штормило. Впервые в жизни ей было страшно за себя. Тревога и жалость захлёстывали душу. Ей было жалко себя, жалко Андрея, которого мир ставил перед выбором либо грести одному, либо спасать утопающих и увязнуть с ними в их болоте. За него она боялась даже больше, чем за себя, потому что была уверена, что он выберет второе. Он будет спасать – этот человек по натуре своей спасатель. И самое ужасное было то, что он будет спасать не себя и не её! Он будет спасать чужих ему людей! Со своим страхом и с жалостью она не могла ничего поделать, только лишь больше злилась на саму себя за беспомощность.

Глаза растерянно блуждали по комнате. Собака, где моя

собака? Что-то она последнее время меня никуда не уводит. Ветер выл в окно, как стая голодных волков. Чуть слышно дрожали занавески. По обоям скользила ветвистая рука – тень от дерева. Оля наткнулась на знакомую фотографию на комод. На мир глядела девчушка с открытой, добродушной улыбкой и озорными искорками в глазах, распахнутых настежь.

Наивная девочка, где же ты теперь, ухмыльнулась Оля.

В комнату незаметно «просочилась» мама. Сняла чистое бельё со стула, переложила на комод и присела на кровать к дочери.

– Оль, ты чего такая хмурая-то сегодня? Что-то случилось?

– Не лезь, мама! Я не хочу разговаривать.

– Оль, ты что? Ты с Андреем была? Он что? Тебя изнасиловал? – встревожилась мама. Она всё ещё боялась, что Оля раньше срока потеряет свою «честь девичью». Как будто, кроме этого, терять уже было нечего.

– Случайно, нет. Всё хорошо, мама. Просто одна собака не даёт мне покоя. Она приходит ко мне во сне.

– А почему она тебя беспокоит? Что она хочет?

– Не знаю! Мне кажется, она зовёт меня к себе.

– Зачем?

– Не знаю. Она хочет предложить вещество существования, чтобы я трезво смотрела на мир. Почему, мама, ты учила меня доверять людям, как сделать так, чтобы им теперь

перестать доверять, – спросила Оля, отчаянно вперив свои стеклянные глаза в мамыны.

– Не знаю, – задумчиво ответила пожилая женщина, украдкой пряча свой взгляд. – Может твоя собака знает? Спроси. Интересно, для чего она к тебе приходит? Было бы интересно посмотреть на мир глазами твоей собаки. Может тебе попробовать записать свои сны? А? Всё, что ты видишь там.

– Зачем? Эта история без конца.

– Всё равно. Может кто-нибудь поймёт, может кто-нибудь допишет. Может не к тебе одной приходит эта собака.

– Хорошо. Я подумаю.

Оле почему-то вспомнилась недавнишняя сцена, которую она наблюдала на тусовке из одного подвала. Люди протискивались в очереди за поросычьими косточками, лезли по головам друг на друга, матерясь так, что уши в трубочку сворачивались. Оля ухмыльнулась. Странно. Зачем маме моя бездомная собака, если мама стоит в той очереди за косточками? Или она в этой очереди на другое надеется?

Дождь монотонно поскрёбывал по стеклу, нежеланным гостем прокрадываясь в душу. Осень, как сломанный патефон, заклинило на одном унылом мотиве.

Мать Оли, Софья Николаевна, стояла у окна, смотрела на увядающую красоту и погружалась в отчаяние, как в бездну.

С тех пор как развалился Советский Союз, она на многие вопросы не находила ответов. Правильно ли они жили? Тому ли они учили своих детей? Как позволили они другим так нелепо одурачить себя с толкованием своей истории, истории родного края?! Как позволили убедить себя во всех этих бреднях про классовых врагов, про своих соседей-шпионов, как согласились проглотить пилюлю лжи про то, что они по праву заслужили это место под солнцем – эту отобранную у других землю? И почему её дочь всё делает наперекор? Что она хочет этим доказать? Разве мать виновата в том, что идея коммунизма, весь этот советский бред, оказался сплошным «лохотроном» для бедных. Лохов «подкупили» на красивые обещания. «Миру мир», – кричали лохов разводящие. И лохи клюнули. В итоге, где теперь этот их мир? В чьём доме?

Софья Николаевна не меньше дочери была встревожена за будущее. Буквально ещё вчера она по-другому представляла свою жизнь. Она знала, в какое русло жизнь течёт и во что выливается. Теперь же казалось расплывчатым то видение мира, то ощущение себя в конкретной временной реке. Рамки ускользали. Ощущение места и времени утекало от неё, как песок сквозь пальцы. Иногда Софья Николаевна всё же останавливалась и пыталась понять, что с ними стало. Она сознавала, что одна эпоха сменяет другую, что их эпоха, они сами, как мамонты, – «прошлый век», но вот что-то «новый век» всё никак не наступал, а вместе с ним не при-

ходили новые люди. Веры в них не было.

Всё теперь не так, как прежде. Она не уверена была ни в своём завтрашнем дне, ни в будущем своей Родины. Что осталось от того могучего Советского Союза?

Время научило её быть мудрой: терпеть стиснув зубы, терпеть и не рыпаться – терпеть мужа, который с того момента, как завод закрылся, «не просыхал», терпеть директора, который загрузил её работой выше крыши – в школе не хватало специалистов, терпеть дочкины заскоки, списывая всё на подростковую брыкастость. Софья Николаевна любила своё дело – преподавание математики был её конёк, но вот копеечная зарплата, которую уже полгода не платили, вводили её, мягко говоря, в ступор. Что же дальше? Духовная амнезия?

Она напряжённо сглотнула слюну. Очень хотелось выпить. Вздохнула. Нельзя! Олька пока не спит.

А эти бесконечные унижения с городскими властями из-за куска хлеба! они просто вводили всю интеллигенцию в ступор! Из-за этого скрытого оцепенения она не могла спокойно жить: что-то важное в ней откололось и теперь уже жило внутри неё своей жизнью.

Всё, что она хотела от жизни, так это то чтоб вернули ей чувство спокойствия, чувство понимания происходящего, чувство целесообразности пути, чувство принадлежности к «своим», а главное – чувство целостности. Всё это до распада Советского союза у неё было. Всё это в одночасье

исчезло.

А по молодости они голубоглазыми были, наивными, мечтали сотворить супердержаву и в ней взрастить суперчеловека. Самого человеческого на земле. Не получилось. На его место пришёл человек приземлённый, человек бесчеловечный, изворотливый, как Остап Бендер, диктующий свои воровские правила жизни. Мерилом успешности стало материальное благо, и все как один нацелились на него. Только Олиной маме это было не надо. В душе она была альтруисткой совдеповского разлива. Ну, какая из неё мещанка! Не в этом она видела свой смысл.

Софья Николаевна вспомнила вчерашний день. К оцепенению тут же добавилась тупая боль в затылке. Вчера они с коллегами-учителями ходили в кабинет к мэру «выбивать» свою полугодовую зарплату. Мэр, эдакий такой вор в законе, подошёл к Софье Николаевне и ехидненько так: «Ну что, вшивая интеллигенция! Кушать хочется? А денежек нету! Последние, что были, на отопление ушли.» Пришлось уйти не солоно хлебавши, утешая себя тем, что мы, вшивая советская интеллигенция, в обиду народ не дадим! А между тем, кое-кто из этой интеллигенции падал уже в обморок с голодухи.

Голод подвигнул интеллигенцию переступить через себя – пойти в купцы. Открылись прямо-таки жабры рыночных торговцев. Вот только предложить в обмен было нечего. Ни учеников же им, в конце концов, своих предлагать! Ни

знание!

Как и в допотопные времена, теперь менялось всё – от простой детской пелёнки до каракулевых шуб. Особенно в ходу были самиздатовские книги. У подруги Софьи Николаевны, например, на мебельно-лыжном комбинате зарплату лыжами выдавали. Ей приходилось менять лыжи у знакомого на мыло, а у другого знакомого мыло на крупу чтобы выжить.

Народ выживал по принципу или-или: или заглушать свой внутренний голос «горилкой», или заключать сделку с совестью в надежде на то, что весь этот бред когда-нибудь закончится. Софья Николаевна выбрала первое – она знала, что нет ничего более постоянного, чем временное, и поэтому принялась втихаря ото всех пить. Заглушала самогоном свой крик. Крик уже даже не прорывался наружу, не пытался подобрать слова. Крик был бессмыслен и монотонен, как этот дождь за стеклом.

Софья Николаевна чувствовала внутреннюю изоляцию от всего, что происходило вокруг. Даже от собственных детей она мысленно эмигрировала. Не чувствовала теперь с ними живой связи. Отвечала им по инерции, шла на работу по привычке, ела оттого, что надо есть, а не потому, что вкусно.

Софья Николаевна ещё раз взглянула на дочь. Та, упрямо уткнувшись в книгу, сидела, выпучив нижнюю губу, дулась от безделья. Мать снова сглотнула слюну. Дочь продол-

жала демонстративно молчать. Что ж, так тому и быть. Ну и пусть себе молчит. Нашему племени больше ничего другого не остаётся, кроме как обиженно молчать.

Мать немного ещё потопталась. Всё же что-то важное она в дочке упустила. Она сложила чистое бельё в стопку. Но что? Взяла грязное бельё и, выходя с тяжёлой ношей, незаметно закрыла за собой дверь.

Оля натянула наушники, чтобы больше никого не слышать. Сегодня Андрей сказал, что не стоит никому доверять. Что ж! Так тому и быть! Она не будет никому доверять. Даже собственной матери. Даже своим ушам. Никому! Пошли все на фиг! Оля добавила звук в плеере. В ушах загудел рокен-рольный гул:

Мы не можем похвастаться мудростью глаз
И умелыми жестами рук,
Нам не нужно всё это, чтобы друг друга понять.
Сигареты в руках, чай на столе,
Так замыкается круг.
И вдруг нам становится страшно что-то менять.

Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза,
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен
Перемен!

Мы ждём перемен.³

Цой был Олиным кумиром. Оля хотела стать такой же крутой, как он, поэтому она не возражала насчёт маминой идеи писать дневник. А вдруг она так же, как он.

В ту ночь Оля впервые написала своё первое откровение людям:

Из Олиных записей в дневнике:

Мама предложила мне завести дневник – написать о тебе, собака. Я подумала, почему бы и нет. Хуже от этого не будет. Мы же ведь с тобой уже подружились.

Оля закрыла глаза и погрузилась в тусклые лабиринты памяти.

Это было два года назад. На тусовке.

Собака так грустно на меня смотрела, а я на неё. Меня чем-то притягивал её взгляд. Какая-то неосознанная, неуловимая грусть... Возможно, кто-то приручил её, а потом... Потом бросил. Ну, ясен перец, бросил. Иначе как же ещё могло быть. С тех пор из глаз собаки слезилась одна лишь любовь. Потом к любви присоединились страдания.

³ Цой В. Группа Кино. Слова из песни Хочу перемен.

Страдания и сострадания просачивались сквозь слёзы.

Собака не лаяла, не кусала. Она лишь с сожалением смотрела вслед бросающему. Вот...

И теперь она одна. И я одна. И мы все одни. А я всё никак не могу смириться с этим! Почему? Сама не знаю. Не могу и всё! Когда я смотрю вслед той облезлой, исчезающей в полумраке, бродячей собаке, я с непривычки ёжусь, словно её боль, её беспризорность, как заряд душевной энергии, снова передались мне.

Однажды, когда в очередной раз пёс явился ко мне, он уловил это наше с ним сиротливое присутствие. И тогда я поняла, что между нами что-то пробежало. Грустная мелодия что ли? Не уверена. Но с тех пор собака начала приходить ко мне всё чаще и чаще. Жалко ей меня стало.

Она жалобно вглядывалась в мои глаза. Молчала. Смотрела, и я на неё смотрела. Молчала. Так мы молчали вдвоём, и нам было легче. Мы чувствовали, что мы не одни теперь в нашем безысходном молчании.

Не правда ли, мама? Не это ли самое главное – знать, что есть кто-то, кто тебя примет со всеми твоими печальями, язвами. Кто тебя всё время ждёт. А я вот не чувствую, что меня кто-то ждёт, что ты меня ждёшь, мама. А вот собака меня ждала.

Здесь, на улице, посреди помоек цивилизации, одна она

ждала меня.

А однажды, когда она в очередной раз ко мне пришла, я с ней заговорила. Игра в молчанку тогда уже мне надоела.

– Ты ко мне, – спросила я.

Собака печально кивнула.

– Я знаю, ты ищешь живую воду, – сказала она.

– Да. Без неё мне никак. Пусто в этом мире, – ответила я, ни капельки не смущаясь её человеческого голоса.

– Ступай за мной, – сказала она беспристрастно, и, отвернувшись, по-королевски зашагала во тьму.

Я не выдержала, сорвалась. Рванула за ней. Собака меня манила, не знаю чем, но было в ней какое-то сверхпонимание, знание чего-то запредельного, и это мне необходимо было получить. Это притягивало меня к собаке. Да и вообще... В моей жизни последнее время ничего не происходило. Ну что ещё было делать, кроме как не идти за ней.

Конечно же, я ещё не знала, куда иду, зачем, но почему-то очень хотелось туда – в неизведанное. Душа взывала к подвигу. Я твёрдо была уверена, что пёс мне поможет, что он приведёт меня, куда надо. Это ведь мой пёс.

Когда я пишу сейчас вот это, я ловлю себя на мысли, что каждый из нас, наверное, попадает хоть раз в жизни вот в такую вот ловушку – в ловушку собственных представлений о добрых и злых помощниках, и тогда в душу залазит такой вот добрый на вид, преданный пёс, который тебя уве-

ряет: «Погоди! Я всё устрою! Тебе ничего не надо делать самой. Ты лишь иди!»

И ты идёшь, и с облегчением вздыхаешь, ну, наконец-то, слава Богу, не надо грести и разгребать свои косяки самой. Твоей шлюпкой жизни может хоть кто-то порулить за тебя, а то ты так тут как-то подустала ходить сама в беспокойное море. И вот является он – твой спаситель – ты мерно плывёшь по течению, как свободная шлюпка, дрейфуешь, ни о чём не переживая, кроме разве что тебя терзают предвкушения новых удовольствий на своём размеренном пути.

Я клюнула на эту фишку – доверилась своему псу, о котором пока ещё ничего не знала. Я даже не уверена была, существовал ли он на самом деле. В одном я была уверена – пёс звал меня в манящее тайнами «прекрасное далёко», и это невероятно возбуждало, будоражило всю мою сущность. Я хотела проверить себя, насколько меня хватит там, в ТОМ МИРЕ.

Я бежала за ним без задних ног. И вот перед нами появилась наш «чёрный квадрат». Приглушая собственные предостережения, в мгновение ока я юркнула в тот «запортальный» мир. Так я преодолела свой рубеж предельности и разумности. С тех пор, чтобы я не делала, в глазах других это было неразумно.

В том мире всё было по-другому. Я тут же забыла, кто

я, чего хочу от жизни, для чего я здесь, а главное для кого я здесь. Мне уже было всё рано, что со мной будет. Я словно слилась со всем живым и прекрасным на Земле, почувствовала свою органическую связь с единым, неразрывным океаном жизни.

Я помню, неожиданно для себя самой тогда подумала, одно из двух: либо инопланетным существам понадобились мои мозги, либо этому псу слишком грустно стало одному.

– Скорее второе, чем первое, – прочитав мои мысли, ответил пёс. – Мне грустно грустить одному. Тревожно одному.

Я летела за ним по обледенелой, узенькой дорожке и старалась больше не думать ни о чём. Не очень-то приятно, когда у тебя в мозгу, как у себя дома, копаются какие-то там чёрные псы. Даже если они и безобидные, брошенные псы. Всё равно брррр!

Некоторое время мы шли молча. Я чувствовала за ним огромную силу, которая тянула меня за собой, как тянет гравитационное поле. Я бежала за этой силой, хотела слиться с нею в одно целое, проникнуть, в то, что меня так притягивало.

– Раз уж ты меня узнала, – остановился пёс и, отдышавшись, добавил: – Пойдём, прогуляемся по моим владениям. Я покажу тебе, как живу. А потом я дам тебе то, о чём ты так давно просишь. Вещество существования. Долгождан-

ную живую воду. Эту воду обычно зовут ещё бальзамом.

Мы передвигались по сумеречному лесу.

Огромные ели опутывали своими ветками, словно целую вечность. Лес выросал со всех сторон, как дружина рыцарей тьмы. Я плелась за собакой сквозь косогоры-буераки, не чувствуя почвы под ногами. Деревья шумели, нашёптывая мне страшные истории бытия. Чем дальше в лес, тем сильнее овладевала нервная дрожь. Я шла – спотыкалась. За рукава кофты цеплялись огромные сучья. Душе было так же колко, как и телу, но я не сдавалась. Я испытывала ужас и трепет одновременно. И всё же сумеречная, неведомая даль неудержимо влекла меня за собой.

Вскоре лес кончился. Туннель уходил вглубь земли, как купол, замыкающийся в небе. Там в самом конце этого сужающегося купола сгущался яркий свет. Свет в конце туннеля? Где-то я это уже слышала. Я что? Умираю? На секунду я замерла. Но пёс не растерялся, подхватил:

– Скорее наоборот. Оживаешь. Скоро ты познаешь, что такое истинный накал страстей. Блаженство пустоты. Свобода от своих «тараканов» в голове. От всех форм и правил. От всего того, что угнетает в твоём блеклом мире.

– Ухты! Я люблю, когда что-то занимает меня целиком, будоражит моё воображение. Люблю, когда что-то мотивирует меня к поиску нового. Так это что? И есть та самая живая вода?

– Да. А теперь молчи и иди.

Итак, туннель в царство грёз существовал, и я была его первооткрывателем. Я помню, подумала тогда, наконец-то моя жизнь наполнится высоким смыслом, которого от меня так долго добивались учителя. В реальной жизни всегда было что-то, что обламывало меня с этими высокими материями. Всё казалось, что я как-то некрасиво «кочу небо», что всё как-то мешаю со своими углеводородами кому-то. Все меня некуда было себя с ними деть. И вообще, неказистенько так выглядела моя жизнь. Может, осмысленнее надо было. Насыщеннее, более самоуглублённо что ли? А здесь всё это казалось возможным. От осознания собственной значимости меня даже начало потряхивать. Каждое моё на теперь было проникнуто такой духовностью, что я даже пукнуть боялась в присутствии такой великой персоны. Прямо Я с большой буквы!

– А почему в нашем мире нет живой воды, а в вашем есть? – вслух задумалась я, неторопливо ступая след в след за огромным псом.

– Потому что ваш мир раскололся на осколки. Он фрагментарен. Этот ваш мир. Люди в нём перестали верить в чудо. Взрослые перестали понимать детей, дети – взрослых. И никто никому не верит! Ваш мир неидеален, а мой идеален, по крайней мере, так думают обитатели моего болота. Там от них ничего не требуется. Для счастья не надо

прокладывать топкую дорогу. На болоте люди просто прохлаждаются на солнышке и вкушают из рога изобилия новые перерождения. Там тело всё время чувствует нежные прикосновения матери. В вашем же мире мать куёт железо и кусает губы с усталости. Она у вас только и делает, что отдаёт, ничего не принимая взамен. Вы её сосунки! Всё сосёте и сосёте её плоть и кровь. А она даёт и увядает. Но мне, – подмигнул загадочно пёс, – это только на руку. С вами нашему брату есть где развернуться.

И тут я вспомнила про маму. С мамой у нас были запутанные отношения. Сама не знаю почему, но мы друг друга не понимали. Я не могу с ней поделиться ни о чём, что меня на самом деле волнует. Не знаю, почему. Она как-то слишком импульсивно реагировала на всё, что бы я ей ни сказала. И то ей не так, и это не эдак. А мне от этого только хуже. Я замыкаюсь на себе, когда меня не понимают. Мы ссоримся, и в эти моменты мне кажется, что я её не люблю. И, вообще, никого не люблю! На целом свете!

Я сказала:

– Я думаю, моей маме тоже всегда было не до меня. Она меня всегда воспринимала, но не всю, целиком. Как-то отрывочно. То у неё были какие-то заморочки на работе, то с мужем, то ещё Бог знает с кем. А вообще, странно, что в советское время женщины были большие полубабами-полу-

музиками – стахановцами, одним словом, нежели мамами, любовницами, жёнами.

– Рабоче-крестьянский миф о равноправии порядком извратил в вас женское начало, – поддакнула мне собака.

– Вот моя мама, например, – продолжала я, – в Советское время она могла себе позволить пойти в декретный отпуск только на 6 месяцев. Это было слишком для меня! Меня ведь от сиськи её ещё не отвязали. Я находилась одна среди чужих людей 8 часов в сутки. Тогда я ещё совсем не чувствовала, где кончаюсь «Я», и начинается «ОНА» – мама. Я искала её в садике взглядом, потому что ходить не могла. Мамы рядом не было. Никто мне не кивал в ответ, не подтверждал, что всё в этом мире вращается вокруг меня и маминной любви. Я помню, как к кроватке где я лежала, подходили старшие дети. Они лапали меня. Им было интересно, а я искала маму. Я хотела, чтоб она взяла меня на ручки и успокоила. Я решила, не стоит вообще раскрываться. Даже для самой себя не стоит. Зачем? Но маминьи руки так и не появились. Маминьи руки нужны были чтоб ковать наше светлое будущее. Работать на идею. Чтобы всем было хорошо. А жаль... Светлое будущее так и не пришло в наш дом. А пришло...

– Я знаю. Я пришла дать тебе свою лапу. Для души без привязи и привязанностей есть одно пристанище – болото!

– Души без привязи? А разве человек нуждается в узде?

– Нуждается! Так же, как и собака. Собака без привязи

зи, всё равно, что дерево без корней. Когда человек без привязи, он так же, как и я, начинает бродить по свету, так ни к кому и не привязавшись. Проводя всё больше времени со мной, со своей бездомной собакой, он превращается в меня – в голодного, бродячего скитальца. С опустошённым сосудом. Он теряет способность любить, сопереживать. Он перестаёт узнавать себя в другом – другой больше не задевает его. Общение с ним не «вставляет», как «вставляю» я. А чтобы общение трогало за живое, надо ведь видеть в человеке человека, и чтобы он это тоже видел. Я вот, например, разглядела тебя, Оля.

– Да? Интересно, что ты хочешь этим сказать? Что ты во мне увидела?

– Уязвимость. Боль. Тебе тяжело жить без меня, только я тебе помогаю почувствовать, что ты есть, что ты существуешь на руинах. Твой дом пуст, Оля. Ты не любишь там бывать. Он просто забыт всеми. Родной человек покинул его, вместо него туда ходит кикимора.

– Кикимора?! Собака, ты такое сейчас говоришь?! Заткнись, пожалуйста! Очень тебя прошу!

– Тебя шокируют такие вещи?

– Да!

Я вспомнила о том, что мне больше всего не хватает на свете и ради чего я, в принципе, всегда бежала из дома. Любовь. Я ищу её повсюду. Я не представляю себя без неё.

– Кстати, – поинтересовалась я. – А как там у вас на болоте с любовью?

– Странные вы, бабы, народ, – ответил он. – Все серьёзные вещи у вас сводятся всегда к одной теме.

– Да. Так и есть.

– На болоте способен любить только один человек. Ты успеешь ещё насладиться его любовью. Остальные же приходят сюда, чтобы зарядить свои баллоны сердца свободой существования. Ты хоть знаешь, что это такое?

– Нет, не знаю.

Мы уже подходили к концу туннеля. Я поторапливала в душе собаку и думала, что такое свобода существование. На миг пришло в голову, как здорово, что я нашла свою лазейку, в которую можно будет теперь на время «просачиваться», когда будет скучно.

А собака, уставившись на свет в конце туннеля, вдруг задумалась и сказала:

– А вот о времени ты забудь. Туда, куда мы с тобой идём, понятие времени отсутствует. Там нет отчёта ни для времени, ни для других мерил. Там, где нет начала, – нет и конца.

– Как это? Значит, там нет жизни? Нет притяжения друг к другу? Есть всего лишь одна жажда, жажда живой воды?

– Да. Что-то в этом роде.

– А ты знаешь! Что-то мне подсказывает, что это обманка. Я ведь имела в виду живую воду, которая даст мне чувство полноты, стимул тянуться к людям, творить вместе жизнь. Нашу общую жизнь.

– На болоте нет жизни. Там мир замер. Любые движения бессмысленны. На болоте любое притяжение пахнет смертью. Там есть одна лишь тяга, но к другому человеку она не имеет никакого отношения. Она имеет отношение только лишь к тебе самой.

И после некоторого молчания, все так же глядя куда-то вдаль, собака произнесла:

– У меня к тебе два условия. На болоте ты должна будешь сохранять неподвижное состояние, а в реальном мире хранить молчание о том, что здесь было.

– Говно вопрос! – оживилась я. – С моей-то ленью я сделаю это на раз-два-три! Я даже, может быть, останусь с тобой навсегда. Ты, собака, начинаешь, мне всё больше и больше нравиться!

Неожиданно для себя самой я загорелась идеей вечного ничегонеделания. Но собака вдруг опешила.

– Ты... Ты... Ты не сможешь там долго находиться! Я тебя не для этого туда веду. К насосу с живой водой присасываются только те, кто потерял себя для других. Я тебе этого не позволю! – в растерянности промямлила она, и с раздражением фыркнула.

– Ты пойми, я добра тебе хочу! Ты меня разглядела!!!

А это уже о многом говорит, – продолжила она. – Я видела лица тех, кого болото затянуло. Их лица перекошены от боли и жалости. Я не желаю тебе того же. Мне обидно за тебя, за то, что тебя не понимают, поэтому я веду тебя сюда отвлекаться. И не более... Я ни в коем случае не хочу, чтобы ты на болоте задерживалась. Это болото! Пойми это!

Пёс отчаянно вцепился в меня своими бездонными глазами. Его глаза были полны горечи и скорби. Потом он отвёл взгляд в сторону. Лоб сплюснулся в гармошку. Я подумала, должна быть тяжёлая судьба у этого пса. Страх, как удав, неминуемо подступал к лёгким. Я задыхалась.

Что бы это значило? Я что? Умираю? Я пристально гляделась в лик удаляющегося призрака. Он благородно ступал в ночную мглу. В его образе – в этой его величественной походке, в сиротливом и вместе с тем сосредоточенном взгляде – было нечто отталкивающее, нечто трагическое. Обречённость что ли... Словно на пса возложена была некая миссия, которая ужасно его тяготила. Какая-то безжалостная печать судьбы, фатальный гнёт чувствовались в его облике. Я подумала, наверное у него нет другого выбора, кроме как пребывать в том своём скрытом мире вместе со мной.

Он вёл меня туда сознательно. Он вёл меня хладнокровно. Вёл к определённо намеченной цели. Мне возлагалась некая миссия там. Но какая? Вероятно, это предстояло

мне узнать. От осознания этого мне стало жутко. Собака давала мне понять, что я ведома, что скоро меня посветят. Интересно было бы знать во что или даже в кого?

Я открыла глаза. Быль сумеречного мира улетучилась. Светило солнышко, а щебечущая за окошком неугомонная свирель так и подмывала подскочить и пропеть свою песнь миру. Но какую? Ни слова, ни музыка не слышались. Только беспорядочный шум в голове.

Что меня с тем миром связывало? Я чувствовала, что какая-то часть меня самой осталась там, за горизонтом того мира, и эта загадочная авантюра с собакой – прямое следствие тому.

Оля закрыла свой дневник и задумалась, а почему собственно приходит к ней странный пёс? Быть может, его грусть имеет непосредственное к ней отношение? Любознательность, вот что влекло Олю взглянуть за пределы своего обычного восприятия, возвыситься над рутинной инертностью тела. Оля хотела взглянуть на себя и на этот мир так, чтобы ещё глубже понять то, что происходит со всеми нами, уловить то, что всех нас объединяет в единое целое. Весь мир!

Пёс напоминал Оле падшего ангела, отверженного из рая. И тут Оля догадалась, почему он её так к себе притягивал. «Я тоже чувствую эту изоляцию от происходящего, словно я осталась за бортом от созидательного процесса жизни.

Реальность больше мне не принадлежит. Я в ней не участвую, не являюсь её частью, а, значит, не чувствую, что живу, расту, существую. Мой мозг не уверен, что он способен преодолевать опасные трудности.

Когда я отправилась с собакой туда, куда взрослые запрещают нам ходить, я всего-навсего хотела испытать себя, хотела почувствовать то, что я живу, расту. Я пыталась поймать это ощущение себя в мире. Это чувство полноты. Полноты жизни. Жизни на грани. Жизни на острие ножа», – пришло Оле в голову.

На миг у Оли промелькнула мысль: «Родители не создали братского царства на земле, но у них хотя бы была цель и железная воля. Эта цель объединяла, приводила к взаимовыручке и братству всех народов СССР. А у нас и этого уже нет. Мы не верим уже ни во что. Мы не верим, чтобы не разочаровываться. Мы не верим, и оттого мы безвольны».

Молодая девушка тогда не сознавала, что истоки такого душевного напряжения скрывались глубже – в бессознательном духе народа, в духе, который пытался возместить утраченное, заткнуть эту ноющую дыру сознания.

В то время ко многим в дом стучалась такая бездомная собака. Люди ходили потерянными и искали её в толпе – одинокую и манящую отправиться в иной мир. Вот уже не одно поколение переживает это нездоровое напряжение. Вот уже не одно поколение отправляется на поиски этой собаки.

Глава 2.

Мировские

Переходный возраст Мировских выпал на долю переходного периода страны. В девяностые годы после так никому и не понятой Перестройки государство повернула политическую идеологию в противоположную сторону – из советского коллективизма в буржуазный индивидуализм. И это не могло не повлечь за собой духовных последствий – ломки характера, оплакивания того, что было. Оплакивание отмирающего – это нормально. Человек из советской эпохи чувствовал приближение конца. И хотя он всё так же продолжал своё существование и не желал сдаваться, с его совдеповским сознанием надо было кончать. Только никто не знал тогда как. Как это сделать?

Советского человека списали за ненадобностью, как брак в гастрономе. Молодому поколению надо было бы взять на вооружение новую социальную модель отношений. Однако где её было взять – воспитывал молодое звено всё тот же «человек-совок». Получилось, что пока страна ждала своих героев, предсмертная агония советского человека набирала обороты, образуя тем самым неимоверный раскол среди своих – раскол в сознании.

Переходное время – это, несомненно, время проб и оши-

бок. Под их сплавом формировалось новое видение мира, новые подходы на видение человека и его сознания, на его возможности. Переходное время эпохи девяностых – время душевных зазоров и общественных катаклизмов. Пока человек великий занимался поисками самого себя, на смену ему просочился из ближайшей подворотни человек маленький, бывалый, с нахрапом и без пафоса. Он мог установить связь и с тем и с этим миром – и с советской номенклатурой и с преступными группировками. Человек бывалый занимался всем, что по закону было запрещено, особенно он любил заниматься спекуляцией, проституцией, рэкетом. Человек тут же начал диктовать свои правила игры, жёсткие и вполне конкретные: дают – бери, бьют – беги, стреляй на поражение. У того человека не было профессиональных навыков, но была хорошая мускулатура и воля к жизни. Они жили просто ради того, чтобы пользоваться благами мира. Человек бывалый давал всем ясно понять, что обратной дороги нет. «Я не буду жить, как раньше! Я хочу кайфовать здесь и сейчас!» – заявлял он.

Государственный аппарат в этой политической неразберихе тоже экспериментировал – занимался вольной импровизацией на тему демократия. В главных ролях были освобождённые заключённые. Это звучало так: «Вдруг стало можно всё, но не всем».⁴ Всё дозволено стало тем, кто к этой

⁴ Афоризм Жванецкого М.М, услышанный автором по телевизору из выступления сатирика.

власти имел свои «каналы». И вот в то время пока так называемая власть занималась «распиллом» гос. имущества, компания Мировских тоже экспериментировала. Но по-своему. Ребятам было лет по 17. Всё что они могли – это экспериментировать над собой и своим сознанием. Какие перспективы сознание им откроет, если поместить его в иное напряжение, в иной нейронный накал. Как заставить мозг работать в ином режиме, так, чтобы он вырабатывал дофамин, эндорфин, адреналин, амфетамин с бешеной скоростью?

Подростки перестали искать в происходящем всякий смысл. Они не верили в существующий порядок вещей, и поэтому были анархистами. Просто курили марихуану, проводили время по подвалам, пели свой рок – свою правду жизни, а вместе с песнями снимали всякой «дурью» разрядку.

Кайф был частью их тусовочного мира, психоделика – маргинальным самовыражением среди своих. Мировские и на мир-то смотрели, как маргиналы, обособленно. Они всегда проводили чёткую грань между закрытым своим миром и чужим, враждебным, между воинствующей группировкой ангелов смерти и законопослушными винтиками системы.

Время советских патриотов, кующих засучив рукава светлое будущее, закончилось. Мировские уже были другой закваски. Они хотели конкретного и для себя. Джинсы от Монтана, мотоцикл от Харлея, комфорт и море удовольствий.

Мировским совсем не хотелось вступать в ту клоаку

взрослой жизни и брать на себя ответственность за то, что вышло уже давно из-под контроля, причём не по их вине. Почему они должны разгребать «косяки» взрослых, отождествлять себя с ними зачем?

И все-таки в душе они любили родину, хоть и относились к своей любви с презрением. Да и как не иронизировать? Их учили жить в презрении к буржуям, ко всему западному, отсталому, а теперь, когда границы открылись, они увидели, что презирать-то собственно некого и нечего – за железным занавесом живут улыбчивые люди, которые вовсе не собирались нас эксплуатировать. Во все нет. Наоборот, хотели даже с нами дружить. Русские подростки надменно взирали на то, как живут финские дети, в глубине души им завидуя.

Ни у кого из ребят не маячило на горизонте ни единого просвета на такую вот «загнивающую» жизнь. Никто из ребят не строил далеко идущих планов на самореализацию. Неуверенность в завтрашнем дне угнетала. Мировские, как и все, ждали перемен, но ждали уже как-то растерянно, сами не понимая, чего ждут. Не видели они и смысла учиться. Ради какой выгоды? Сникерс стоил пол стипендии, а вся стипендия равнялась стоимости одной пачки памперсов. Даже если бы они и отучились в универе и устроились по специальности, максимум, что их ждало на свою зарплату, так это три сникерса в месяц. Стоило тогда на это гробить лучшие время?!

От взрослых Мировские хотели только одного – правды.

Понятной правды, которая поможет им примириться с прошлым, разобраться в себе, в том, что с ними всеми здесь происходит и на что, на какую поддержку им стоит рассчитывать. Как герой из фильма «Брат», Мировские верили в настоящую силу правды. И вот поэтому лицемерие взрослых их так раздражало. В своём противостоянии взрослым они были искренне и непримиримы. И хотя в России о правде говорят обычно в прошедшем времени, ребята упорно не вылезали из своих «баррикад» – выжидали, когда состоится этот разговор о том, что есть что.

Сегодня был обычный выходной. Мировские слонялись по городу в поисках «бодряка». Они не любили вялости в рефлексах. Это было для них равносильно состоянию зависшей в воздухе мысли. Молодая кровь требовала «перезагрузки» – обновления впечатлениями.

На пути показалась огромная стройка, которую затеяли ещё до появления подростков на свет. Строился районный медицинский центр по финскому образцу. Своеобразный массивный комплекс, в котором должны были размещаться все необходимые медицинские услуги. Только вот кем и когда он строился, было не понятно. Рабочих здесь не было, зато видны были дети, резвящиеся на аварийных объектах, да шатающиеся с клей-моментом силуэты – призраки.

– В этом гараже были кресла для дантистов. Так вон эти чуваки из мастерской переделали их под сиденья для гоноч-

ной машины, – сказал Славян, кивнув в сторону автомастерских.

– А откуда они их достали? – спросила Оля.

– Откуда, откуда! Спёрли, конечно! Вон с этой стройки. Знаешь, по какому уже разу здесь рамы вставляют? – спросил Славка, снова кивая в сторону стройки.

– По какому?

– По третьему, – торжествуя заявил он.

Все заготовали. Оля взглянула на здание.

Два кирпичных пятиэтажных сооружения, соединённых меж собой одноэтажным зданием-туннелем, стояло в замершем, полуразрушенном состоянии.

– Широкий размах русской мысли да на практике кишка тонка, – перефразировала Оля чью-то мысль.

– Вот-вот. В России ведь не результат главное, а размах и показуха. И никакие тут замки не помогут! Наш брат везде лазейку найдёт. Здесь сторож нужен, да с винтовкой, да чтоб стрелять умел, – деловито заключил Славик.

Вдали показался поезд. Он стремительно приближался, разрывая гремучей скоростью привычную поступь жизни – восприятие времени и пространства. Ребята с любопытством смотрели на мелькающие из окошек лица, махали им вслед, пытаясь уловить в этой единой движущей массе живые человеческие лица. На долю секунды их взгляды соприкасались. Лица улыбающихся махали ребятам вслед и пролетали мимо, унося с железным гулом частичку самих себя, своей

радости и промелькнувшую меж ними связь, живую связь, Дуновение самой жизни. И вот этот миг соучастия с другой жизнью зародился и сосуществовал теперь уже сам по себе. Помимо них. Ехал словно в другом «поезде».

Тот поезд набирал обороты, вбирая всё на своём пути, прорываясь в мутные энергетические потоки неизвестности и покоряя неведомые дали. И никто не знал тогда, что этот поезд движется по кругу.

Примчался Слоник на велосипеде. Слоник часто бывал посыльным за «товаром».

Вот и на этот раз он в два счёта сгонял за «коробком»⁵. Вернулся с «товаром» запыхавшийся и довольный, как арбуз. Его «Харлей Дэвидсон», так прозвал он свой драндулет, было слышно за квартал. Впечатление аэроплана со звуковой сверхмощностью создавалось от трескотни допотопной фотоплёнки на колёсах.

Мировские на этот раз держали путь до Коляна. У Коляна родители по выходным пропадали на даче. Так что «вечеринка у Децела дома» сегодня будет что надо. На блатхате у Коляна собирались чтобы приготовить свой НЗ⁶ для дискотеки, «раскумариться», а потом пойти «клубиться» даль-

⁵ Спичечный коробок с марихуаной или другим наркотическим веществом.

⁶ Армейская аббревиатура, образованная от выражения Неприкосновенный Запас.

ше по ночному городу.

Когда они проходили мимо автостоянки, Оля вдруг вспомнила, что надо позвонить маме. Она, наверняка, там уже заждалась.

– Парни, откуда можно звякнуть? – спросила Оля.

– Да вон, – указал Джексон на будку автостоянки. – У них телефон есть. Только осторожно, там злая собака.

По деревянной лестнице Оля проворно вскарабкалась на верх этой сторожевой башни. Открыла дверь, и, не обращая внимания на присутствующих, автоматически спросила телефон. Сидящий в углу и лоснящийся жиром мужчина что-то нечленораздельно буркнул, кивнув на аппарат. Оля его знак уловила и, схватив трубку, быстро набрала номер.

– Мам, я сегодня не приду, переночую у Наташи, – торжественно объявила она.

– Опять ты с ней снюхалась?! Почему к бабушке не идёшь, – кричал раздражённый голос в трубке, – бабушка недалеко живёт от Наташи. Сколько раз тебя предупреждать, чтоб не водилась ты с нею. У тебя будут только одни неприятности.

– Ну какие неприятности, мам!?

– Да о тебе будут говорить также плохо, как о ней. Ты же знаешь, скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты.

– А мне плевать. Я не собираюсь жить так, как все живут!

– Я тебе сказала, иди к бабушке, и точка! Не строй из себя Зою Космодемьянскую, – настойчиво взывал голос в трубке.

– Мам, ты не поняла, я звоню тебе не разрешения попросить, а предупредить. Меня сегодня не будет, – холодно сказала Оля и тут же бросила трубку.

Она стояла в замешательстве, нервно теребя шнур. Перезвонить, не перезвонить...

Ну вот, хотелось, как лучше, а получилось, как всегда, промелькнула мысль в голове. Рука так и тянулась к трубке, хотелось объяснить маме на доступном ей языке, что Наташа совсем не та, за кого её принимают и что не важно, что говорят люди, Оля уже взрослая и сама вправе выбирать себе друзей.

Тем временем голодная до зрелищ публика в сторожке замерла в оцепенении, искоса поглядывая на гостью, что она ещё выкинет.

Олины глаза в растерянности скользили по полу. Она случайно наткнулась на чьи-то ботинки с волосатыми ногами. Здесь ещё кто-то? Но кто? Она мгновенно подняла глаза. Парень! Красивый! От неожиданности она вспыхнула. Это была вспышка озарения, которая бывает, когда соприкоснешься со своим самым сокровенным. Олю замкнуло. Она чувствовала, как расплывается румянец по щекам. И чего она так покраснелась? Надо же! Невеста на смотринах, да и только! В её подкожный девичий мир без спросу кто-то влез. ОН! И пока она не знала, что это сейчас с нею было и как вообще к этому относиться, она просто осоловело на него пялилась. Молодой человек тут же уловил её насто-

роженный взгляд и одобряюще кивнул.

Оля подумала, как странно! Она видела этого человека впервые, но было ощущение, что они знакомы уже тысячу лет. Их взгляды уже тысячу раз соприкасались, пересекались в Прекрасном далеко-далёком.

В комнату запрыгнул солнечный зайчик и весело забегал по обшарпанным обоям.

Оля вслед за ним оглянулась, пробежалась взглядом по сторонам. Неказистая каптёрка, впитавшая запах дешёвых папирос. Она казалась ей почему-то необыкновенно просторной и интимной. Живая игра теней по обшарпанным обоям, солнечное облако, проникавшее сквозь щели потрёпанных занавесок – Оля буквально осязала окружающий предметный мир как продолжение мира незнакомого знаконца.

– Вы не подумайте, я не такая, – насторожилась она в растерянности.

– А я и не думаю, – сказал он, улыбаясь. – Человек всегда чуточку больше, чем про него думают. А мамы... Ну, на то они и мамы, чтоб за нас бояться.

– Не-е, моя мама не такая как все. Она боится только одного: как бы её доча не вляпалась, чтоб потом не пришлось краснеть.

– Не одна она такая. Третью часть своей энергии человек тратит на мысли о том, что про него думают другие. Маме будущее своего ребёнка тоже безразлично, вот она и пере-

живает. Её понять можно, она жертвует своими моральными принципами ради того, чтобы вы набили лоб на своих ошибках.

– А мне не нужны такие жертвы! Я хочу, чтоб она от меня уже отвязалась и зажила своей жизнью!

Оля не «парилась» больше по этому поводу. Вопрос с мамой ей уже казался решённым. Она смотрела парню в глаза, а он, в свою очередь, краснел и улыбался ей в ответ. Оля бесконечно восхищалась им: его чувством такта, его интеллигентной манерой говорить, его благородной осанкой и прозорливой смешинкой в глазах. Наверняка, он не курит анашу, пришло вдруг Оле на ум. Оле не хотелось уходить. Она готова была бесконечно блуждать здесь в лабиринтах его отражений. Она хотела зацепиться взглядом за эти отражения, присмотреться, откуда они, что они вещают.

Однако со двора донёсся настырный свист.

– Может, останетесь? – неуверенно предложил Андрей.

Она чуть было не сказала беспечное и отчаянное «да», но неожиданно для себя самой промямлила скомканное «нет». Снова раздался крик со двора, и Оля едва ли не за уши вытянула себя из каморки. Лето на правах молодой красавицы осваивало свои владения. За окном всё живое стремилось порхать друг с другом. И эта сирень, и этот прокуренный запах из каптёрки, и это граяние чаек в пруду – всё пленило! Всё вдохновляло к жизни. Оле ещё больше захотелось совершить что-нибудь разэтакое, нечто из ряда вон выходя-

щее. Ноги почему-то дрожа спустились из сторожевой башни на землю, а душа всё никак не хотела приземлиться.

Ольга застала Мировских за странным занятием. Парни ползали по газону, кропотливо перебирая подорожную траву. Оказалось, они уже выкурили по косяку, скатали шарик из оставшейся на папиросном папирусе гари и успели уже по неосторожности его выронить.

– Чёрт! Остатки сладки, – прошипел озлобленно Толстый, глядя по сторонам, куда бы он мог упасть.

А всё-таки... Надо было остаться, вздохнула Оля про себя. Как же далека она была сейчас от их проблем!

– Олик, чего стоишь, как вкопанная? Помогай искать. Славка сказал, кто найдёт – чирик получит, – сказал Джексон. Как щепетильный бдитель справедливости он всегда боялся, что вдруг случится так, что он переработает больше остальных.

– Чирик? Здорово! А ты придумал, на что ты его потратишь? – спросила Оля.

– Конечно! Куплю целый стакан хэша! – выпалил Джексон без промедления.

– Гениально, – не без иронии выдохнула из себя Оля.

Наконец, после кропотливых исканий они нашли пропажу и продолжили свой путь.

В час-пик они выехали на инвалидке на узкую проезжую часть на раздолбанном запорожце. Колян включил 20 км/

час. На заднем сиденье торчала мумия в чкаловских очках. Это Никотиныч свой любимый костюм из туалетной бумаги напялил. Он сидел один и метался от одного заднего окна к другому. Несчастный водитель, уловив, наконец, подходящий момент, принялся обгонять драндулет и вдруг заметил тарашившуюся мумию из машины. Лицо шофёра непроизвольно расплылось в улыбке. Ребята в запорожце загоготали – прикол удался.

Дома у Коляна собрались киноманы, алисоманы, металлисты и прочая подвальная челядь. Родители выходные вкалывали на даче, а сыну в это время предоставилась возможность оттянуться по полной.

Колян включил музыку, чтоб фонило. С магнитофона захрипел хладнокровно-невозмутимый голос.

Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:
Руки прочь, прочь от меня!
Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.
Что будет стоить тысячи слов,
Когда важна будет крепость руки?
И вот ты стоишь на берегу и думаешь: плыть или
не плыть?⁷

Мировские тяжело сопели, курили ЛМ и пытались соответствовать духу песни. Казалось, они были обречены,

⁷ Цой В. Группа Кино. Слова из песни Мама, мы все сошли с ума.

и эта фатальная обречённость, напряжённость чувствовались во всём – в каждом их вдохе, взгляде.

Пришёл из кухни Сашка. В руках у него красовался готовый «косяк». Ребята заметно просветлели. Скоро они дунут, и мир засияет по-новому, и будет всё по барабану.

– Ну, ребя, давай, раскумаримся, – страстно глядя на папиросу, кинул клич Славян.

Косяк раскуривали, запуская весело друг другу в рот «паровозики»⁸. Воздух разрывался от гомерического хохота. Ребята погружались в царство грёз. Мысли, словно мыльные пузыри, плыли сами по себе, плавно разгребая мягкое, как вата, пространство. Все фантазии становились реальными, а желания осуществимыми. Но вот, как назло, ничего не хотелось! Честолюбивый мир взрослых протекал где-то над.

Травку звали дурью. Но поговорка «смех без причины – признак дурачины» – это не про любителей анаши. Существовал лишь КАЙФ и миг кайфования. Этот миг был священен. Предметы плавно вращались сами по себе, не требуя ответной реакции. Глаза бесновато горели. Мировские приколывались над всем, что попадалось на глаза. Они любили, когда снова возвращалось это чувство всемогущества и вседозволенности. Кто-то ощущал себя хозяином леса, а кто вседержителем вселенной! Для духа, творящего радость, не существовало границ. Чувство ответственности было чуждо. Это-то и снимало с души все оковы.

⁸ Формы дыма, которые пускают при раскуривании марихуаны.

Чувство новизны, острота ощущений подстёгивали, заводили внутренние рычаги к действию. Возможности собственного сознания казались безграничными. Образы всплывали, оживали, пахли, взаимодействовали друг с другом и сосуществовали уже теперь сами по себе. Проживали свою жизнь, проплывали мимо. Под кайфом Оля улета-ла. Она словно пребывала в гармонии с тем первородным миром, в котором границы Я не ощущаются. Так, наверное, чувствовали себя наши предки. Мир тогда органично дышал единым целым. Оля чувствовала на себе это дыхание из прошлого и в такие минуты становилась самой себе непрочитанной, удивительной книгой. Ощущение блаженства могло смениться на противоположное ощущение – грустное могло стать смешным, ужасное – прекрасным. Но больше всего манила непредсказуемость. Она никогда не знала, что она в следующий момент выкинет или подумает.

Всё это ужасно манило, но сегодня Оля решила воздержаться – не курить траву. Она уловила какое-то новое в себе чувство и пыталась понять, что это.

Слон как обычно травил свои байки про наркоманов.

– А вот ещё, – разошёлся вдруг он, разливая водку по гра-нёным стаканам, – анекдот. К наркоше звонят в дверь, тот открывает, смотрит – смерть с косой: «Ты кто?» «Я твоя смерть.» «Ну проходи. А у тебя есть 15 минут.» «Хм, спрашиваешь, конечно, есть.» «Тогда подожди, я напоследок дуну, хочешь со мной?» «Ну давай, попробуем.» Ду-

нули, пробрало на хи-хи. Посмеялись. Смерть забыла, зачем приходила, ушла. На следующий день то же самое: «Ты кто?» «Я смерть. За тобой пришла.» «Ща косяк докурю. Будешь?» «Давай», опять смерть согласилась. Ну раскумарились, на хи-хи пробрала, смерть поржала и ушла. На следующий день звонок в дверь. Нарик отрывает, спрашивает: «Ты смерть?» Та кивает. «За мной пришла?» А смерть: «Да нет, на 15 минут забежала, дуну да на работу.»

Все дружно загоготали. Только Оля чувствовала отвращение. Она не то что шутить про смерть, думать про это боялась.

Дымовая завеса рваными клочьями стелилась по потолку. Всем некурящим ничего не оставалось делать, как вдыхать этот едкий запах.

Оля безразлично скользила взглядом по макушкам ребят, мечтая о чём-то своём. Вдруг она увидела сквозь дымовые лоскутья свою старую знакомую – чёрную, как смоль, собаку.

Пёс осторожно пробирался сквозь дым. Ближе... Ближе...

– Не верь никому, кроме меня. Я – самое надёжное, что у тебя есть, – сиротливо поглядывая на Олю, шептал он.

Он так жалобно на неё смотрел, что Оля ведомая желанием избавиться от внезапно нахлынувшей тоски, как слепой котёнок, снова поплелась за ним.

В какой мир он её снова манил и что их вместе связывало,

она не знала, но это взаимопроникновение в туман интриговало. Затягивало, как гравитация.

Из Олиных записей в дневнике:

Я снова видела его. Этого своего лохматого, иссиня-чёрного, ни к чему не привязанного, отталкивающего своей магической силой и нелюдимостью. Собачья грусть снова прорывалась наружу, причём как всегда внезапно.

– Собака, а ведь люди прозвали тебя Сталкером. Почему? Никогда не думала?

– Сталкер, значит, сопровождающий, – сказала она. – Я проводник. Сопровождаю отверженных и не прижившихся в вашем мире героев.

– А зачем тебе это? Лишние хлопоты? Зачем? Тебя что, просили?

– Нет. Не просили. Но кого попросили, он не услышал.

– Ты имеешь в виду Бога.

– Можно и так сказать. Люди перестали слышать себя. И видеть в другом человеке Бога. Бога, равного себе. Ты слышала про жизнь в двух матрицах?

– Не уверена. Поясни.

– Уж слишком они разные – эти внутренние и внешние реальности. Человек цепенеет перед происходящим ужасом во внешнем мире. Он чувствует свою беспомощность, цепенеет и отстраняется. Он перестаёт воспринимать себя

в этих быстро меняющихся реалиях. И тогда наступает самое страшное – человек перестаёт верить в себя, в своё будущее. Его собственные возможности начинают ускользать от его восприятия. Он просто не видит для себя ни одной открытой двери. Им начинает овладевать отчаяние. Он начинает замыкаться на себе, перестаёт взаимодействовать с внешним миром, живёт по инерции. Но если человек своим субъективным внутренним миром не контактирует с внешней объективной средой, то он начинает гаснуть. Холодные щупальца одиночества начинают опутывать его душу. Человек начинает искать освобождения от своего чувства, от этого зазора в душе. И тогда на помощь прихожу я. Я наполняю ему эту внутреннюю дыру приключениями. Я дарю ему глоток свободы, глоток свежести и любви. Я даю ему энергию. Я освобождаю его от ночной тени.

– И подобно его же тени, ты преследуешь человека?! Ты ведь совсем не тот, за кого себя выдаёшь, не так ли? Ведь ты – это не только тот, кто сопровождает, но и тот, кто преследует, – ненароком соскочило у меня с языка. – Да кто ты, в конце концов?!

– Я часть той силы, что вечно хочет зла и совершает благо.⁹

– Не говори загадками! Кто ты? Бог? Дьявол?

– Это смотря с какой стороны посмотреть. Всё ограни-

⁹ Слова Мефистофеля (дьявола) – одного из персонажей драмы Гёте И. Фауст.

чивается восприятием, моя королева.

Предчувствие меня не подвело. У этого пса были на меня свои виды. Теперь я в этом не сомневалась. Он отвлекал меня! Вот уже и своей королевой начал называть. С чего бы это? Для чего ему всё это? Кем он, вообще, себя возомнил?? Кто он для меня? Навязчивая тень или истина в последней инстанции?

– Не забивай себе голову ерундой! Жизнь была бы слишком проста, если бы добро и зло в нём были бы абсолютны, – сказал он, как всегда синхронно плавая на одной волне с моими мыслями. – Не тревожься по чём зря. Вы, русские, я заметил, вообще, склонны верить в Абсолют, в абсолютное добро, к которому надо всех приструнить. Но, поверь мне, жить было бы не интересно, если бы добро и зло были бы абсолютны. Люди стремятся хоть на время ощутить себя богами. Боги хотят иногда чувствовать себя людьми. И люди, и боги вдыхают эфир, впадают в эйфорию и возрождаются для новой жизни. Я даю вам всем то же самое, но на болоте. Скоро тебе будет даровано встреча с твоим ангелом и демоном. Ты будешь познавать с ними свою сакральную принадлежность. А ваш акт соития откроет в тебе героические силы. Ты познаешь своё великое предназначение. Скоро ты забудешь про ту Олю, что распускала нюни, что привела тебя сюда. Она выполнила свою миссию,

а, значит, исчерпала себя! Да здравствует новая Оля! Оля героиня! Оля покорительница небесных вершин!

– Забудешь?! Миссия?! Минуточку! Ты сума сошёл? Я не желаю ничего забывать! Я тебе не компьютер какой-нибудь, чтоб меня зомбировать и стирать в памяти то, что мне принадлежит. Это моё прошлое! Моя грусть! Ты слышишь?! Я не собираюсь делить себя на ту Олю и эту.

Я вдруг ни с того ни с сего вскипела. На моё прошлое кто-то хочет наложить свою лапу?! Кто-то вмешивается без спросу в мой опыт жизни! Устраивает над ним самосуд! Хочет убедить меня, что я – это не я вовсе! Неужели я опять обманулась?! В тоске этого пса было что-то такое, что сбивало меня с мыслей. Нечто чертовски притягательное, какая-то неведомая мне энергия.

– Но ведь этот опыт... Он же тебе не даёт покоя. Мешает, – не унимался гнуть свою линию пёс. – Зачем тебе связывать себя со своей грустью, скажи, зачем? Отпусти себя! Позволь своему идеалу от тебя отколоться. Пойдём со мной. Пойдём! Не пожалейшь.

Пёс, по-видимому, напугался, раз его властные нотки перешли на жалостливо-спекулятивные. Я пыталась напрячь свои мозги и выудить оттуда хоть один мегабайт вразумительных доводов. Ведь надо же было хоть как-то ретирова-

ваться перед псом. Но кроме капелек пота на лбу и смятения в душе, ничего другого не вышло. Мозг заклинило на одном: я без своей грусти – не я. Ну да, это моя грусть! Как же я об этом сразу не догадалась. Я – это и моя грусть, и моя радость, и моя ненависть. И тут я подпрыгнула от своей догадки!

– А кто сказал тебе, что моя грусть мне не нужна? Как я буду без неё стихи писать?! Может, тоска по другой жизни меня и заводит порой не в те дебри, но зато она даёт мне стимул для размышлений. Она помогает понять этот мир. Саму себя в нём. Особенно если эта тоска находит отклик в тебе. Ну, вспомни, я ведь благодаря своей тоски тебя признала. Никто не видел, а я разглядела! Заметила, что ты есть.

Тут собака неожиданно прервала свой бег. Встала, как вкопанная.

– Я есть? – спросила она, с ужасом выпучив на меня глаза.

– Есть, конечно!

Тут весь её облик засветился от радости.

– Нет, ты, правда, считаешь, что я есть?

– Есть, конечно! Ты у нас у всех есть! Разве ты об этом не знала?

– Ты глубоко заблуждаешься, – холодно сказала она и исчезла в сумерках дождя.

А я осталась стоять в полном недоумении и неведении, где я и куда двигаться дальше.

Но тут меня вытолкнуло. Это был такой мощный толчок, что тело передёрнуло. Душа юркнула обратно в свою «тужурку», подумала тогда я и проснулась.

Я испытывала какое-то противоречивое отношение к той собаке: вроде как и тянулась к ней, а вроде и не верила в смысл всего происходящего, побаивалась верить.

И всё же весь этот мир собаки был настолько осязаем, что я вбирала его всеми своими нейронами. С собакой и с её миром уже приходилось считаться. Зеркальная реальность. Реальность наизнанку. Разве такое бывает? Меня начало засасывать в иную плоскость жизни. Во внутреннюю реальность, о существовании которой знали теперь только мы двое – я и моя собака.

Являлась ли она ко мне на самом деле или это был мой мираж, так или иначе, но она являлась частью моих взаимоотношений с окружающим миром, значит, собака становилась для меня такой же реальной, как уличный столб.

Я протёрла глаза и оглянулась по сторонам. Солнечные лучи прорезали старые, льняные занавески. Где я?

Оля оглянулась. Старый, советский диван на деревянных ножках. Это диван из Колькиной спальни. Оказывается, она

прикорнула у Коляна. Все уже давно ушли. Олю не стали будить.

Девушка задумалась о своих друзьях, о Мировских. На ум пришла мысль: каждый из них в глубине души подозревал, что с ними происходит что-то не то, что они живут не так, как надо, не той жизнью, не своей что ли, но как надо, никто из них не знал.

Парни вообще не любили рефлексировать на эту тему. Они любили конкретику. Конкретные действия, что доставят позитив. Подсознательно Мировские хотели иной жизни, иных впечатлений, но увы – средства для этого были слишком убогими. Те попытки сближения, что совершались взрослыми, в корне отличались от Мировских представлений о настоящей жизни. Попытки выглядели как пародия на настоящую жизнь – в них не было ни логики, ни смысла. От этой мысли Оле стало ещё больше жаль себя да и всех ребят, что шли по жизни рядом.

И всё же... Какая сила во сне выпихнула её, задумалась она. Улыбка какого-то мужчины всплыла в памяти. Пряный запах сирени. Наши парни сегодня с мумией. Громыхающий поезд с румяными пассажирами. Это всё уже где-то было. Это всё стало её собственным опытом. Что ещё? Ах да! Мама... Как же я сразу про неё не вспомнила!

«Мама – это хорошо, – подумала Оля. – Мама само собой, но было бы ещё лучше, если бы я уехала из дому и не беспо-

коила её вовсе».

На мгновение Оля представляла, какой она будет женой, как будет любить своего мужа, как они вместе будут познавать этот мир. Будущий муж рисовался ей с седовласой щетиной и добродушной улыбкой, с мягкой, надломленной хрипотцой в голосе. Тут Оля поймала себя на мысли, что нечто подобное она уже где-то видела! Так и есть! Это тот парень из каморки! От изумления Оля вскочила с дивана. Флэш-лайт! Вспышка в сознании. Ах вот, значит, что вытащило её из болота! Она не сомневалась, что они ещё встретятся. Но ведь чтобы испытать с ним любовь, чтобы себя отдавать в любви, нужно, прежде всего, знать, что ты сможешь отдавать, нужно знать, кто ты есть. В этом знании её сила. Сила личности самой Оли.

«Итак, я иду к тебе любимый! Иду к себе», – сказала она решительно, не уверенная, правда, в том, в какую сторону ей конкретно начать двигаться.

Оля выпорхнула из Коляновой квартирки. За своей судьбой она полетела напрямиком на дискотеку.

После танцев Коля и Оля пошли домой вместе – было по пути.

– Ты меня прикроешь от этих липучек, если что? – попросил Колян.

Его мальчишеская колючесть по отношению к женскому полу забавляла.

– Колян, чё-то я не пойму, а куда твоя Натаха делась?

– Ааа, – махнул он, отводя взгляд в сторону, – забудь. Натаха теперь не моя. На герыч подседа. Снюхалась с этим нариком. Как его там... Копчёный, вроде... Они теперь вместе ширяются, – ухмыльнулся Коля, – дружная парочка Твикс.

– Ого. Интересное кино. А ты не пробовал с ней поговорить на эту тему, – не унималась Оля.

– А зачем?! Итак хреново.

– Неужели ты на ней крест поставил?! Неужели ничего нельзя изменить?!

– Ты соображаешь, что говоришь! – взбеленился ни с того ни с сего Колян. – У меня ещё пока крыша на месте стоит! Что я в попу раненный что ли, чтоб поперёк батьки-то лезть? С этими торчками связываться себе дороже. Ещё заманят на иглу. Не я её садил, не мне её и вытаскивать. Что я ей! Мамочка какая-то что ли?!

Дальше шли молча. Оля догадалась, что случайно сковырнула набухший чирей, наличие которого сам Колян отказывался признавать.

Общаясь с Мировскими, Оля заметила одну закономерность. В социальной иерархии ценностей наркоман, курящий марихуану, ставит себя на ранг выше, чем наркоман, употребляющий внутривенные наркотики. Успокаивал ли Колян себя таким образом, что он ещё не настолько низко пал? Считал ли он себя выше Наташки, Оля не знала, она была твёрдо уверена только в одном – эту болезную тему в даль-

нейшем с ним не трогать.

Дома, избегая «засветиться» перед родителями в обдолбанном состоянии, Оля плюхнулась в постель, так и не чистя зубы. Но не уснула. В тщетных поисках удобной позы проворочалась полночи. Сходила покурить. Мысли, как назойливые мухи, всё жужжали вокруг сегодняшнего дня.

В памяти мелькнула Колькина Наташка. В своё время Наташины родители наворовали столько, что им хватило бы и на загробную жизнь. Вся семья горя не знала до тех пор, пока Наташа ни привела в дом ухажёра по имени Валера, интеллигентного такого вида человек. Избранник Наташи, прежде чем завязать с ней отношения, узнал, что из себя представляет бюджет их семьи. Выяснилось – Наташин папа «сидит на трубе». Это во многом повлияло на дальнейший расклад дел.

Оля знакома была с Мировскими пацанами давно. Олю они сразу приняли за свою. Как и ребята, Оля умела держать язык за зубами. Как водилось у них на тусовке, когда принимали в свой круг, ребята совершали неоднозначный обряд посвящения, посвящали в «свои» – раскуривали с новичком «трубку мира». Оля запомнила на всю жизнь, как её обуяло тогда во время этого ритуала глубокое чувство собственной значимости. Девушка была уверена, что с этого момента она сама теперь значит для таких же, как она сверстников, очень

много. Ещё надолго свяжут Олю с этими парнями волна признательности и желание совершить нечто героическое ради них. Нравилось Оле и то, что её принимают здесь такой, какая она есть, чего она не могла сказать про своих родителей.

У тусовки Мировских появились свои секреты. Травка – это нечто клановое, то, что сплачивало и отгораживало ребят от не очерченного, реального мира. Травка была их маленькой тайной в мире больших тайн. Это как собственный опыт, перманентное чувство сопричастности с сакральным и живым. У этого мира грани представления о себе самом и мире были размыты. Там человек мог десять раз поменяться, и ему ничего за это не было.

Ритуал раскуривания был ненов. Они забивали папиросу табаком вперемешку с марихуаной, раскуривали её, как индейцы, и проникались истинным благоговением, познавая таинство сакрального мира, таинство соприкосновения с органикой живого. Ребята постигали это таинство интимно, но этот опыт связывал, как скрепы, в клан сподвижников и единомышленников. Они даже своему клану имя дали – назвали себя ангелами смерти. Ангелы противопоставляли себя биомассе безликих «винтиков» системы, живущих по инерции.

Мировские чувствовали себя победителями, потому что были вне системы. Они, как наши предки, в помутнённом сознании проходили испытание: приходили к Бабе Яге, рисковали с ней собой, справлялись со своей задачей, Баба Яга

впускала их в «запортальный» мир и одаривала волшебными силами, после чего они одерживали победу над смертью Кошечевой и возвращались в своё племя возродившимися из пепла, как птица Феникс, героями. Племя принимало их, ценило, а победители были счастливы.

Мировским нужна была не только любовь своего племени, им нужны были подвиги, поэтому они курили анашу. Когда курили, чувствовали себя победителями, как после победы над смертью, но, когда возвращались в «племя», всё выглядело наоборот: племя не принимало их, своими они в нём себя не чувствовали.

Раскуривание анаши – это был своеобразный портал, трансцендентный переход в иной опыт восприятия жизни. Они ходили через этот портал туда и обратно, чтобы что-то оттуда извлечь. Травка раскрепощала сознание. Это-то и соблазняло. Открывались неисчерпаемые перспективы дофантазирования, домысливания мира и себя в нём. В мыслях каждый мог сделаться кем угодно. Мир становился ярким, с энергетикой сверхвозможного. Поток информации «сносил голову».

Но был и другой мир. Тот, в котором они пробовали себя. Мир настоящих взаимоотношений. В том мире они распивали спиртные напитки в невероятных количествах, раскуривали на всю толпу заморскую сигару, стибренную сверстником из папиного портсигара, тащились под песни Виктора Цоя, просматривали втихаря западные порнофильмы

и наслаждались взахлёб поцелуями по подворотням, а потом за школьной скамьёй смаковали про себя воспоминания, как там с нею «это» было. Незабываемый, волнительный опыт вдохновлял на новые открытия и впечатления.

Взрослая жизнь будоражила и пленила, и в то же время взрослая жизнь пугала и отталкивала. Оля боялась, что ей придётся слишком автоматически подчиниться взрослым правилам игры, правилам объектов, а не субъектов, правилам жёстким и прагматичным. Она хоть и спешила повзрослеть, но в душе девушка всё ещё чувствовала себя ребёнком.

Вспоминая Наташу и своих друзей, Оля пришла к выводу, что она сама недалеко ушла от «товарищей по несчастью». Ведь вечно гоняясь за новыми возбудителями для мозга, так же, как и Мировские, она ставила под угрозу своё здоровье. А как насчёт души?

Оля остановилась. Она вдруг отчётливо поняла, это бегство. Бегство в никуда.

«Всё! – сказала она себе. – Баста карапузики! Пора завязывать! Не моё это! Я хочу радоваться жизни, как простые дети и старики!»

И хотя она пока ещё не представляла, как это сделает – как бросит курить, но девушка была настроена решительно. Она твёрдо была уверена, что у неё получится.

В воображении поплыли сцены с Мировскими, как они разочаруются в ней, будут высмеивать её стремление. Что ж!

Пускай! Если дружбе настанет конец – значит так надо! Какой интерес дружить с теми, кто своей дружбой манипулирует.

Глава 3.

Попытка завязать

Но начать новую жизнь так, чтобы завязать со старой, не получилось. Шло время, а Оля всё так же бегала на тусовку к друзьям, избегать их было как-то по-предательски. Не в её правилах что ли. Да и на пустом месте вместо них так никто не появился. В конце концов, что они ей плохого сделали? Каждый из них в отдельности как человек ей нравился. А в жизни ведь всегда тянешься к тому, что или кто нравится. Только когда Мировские курили анашу, Олю передёргивало.

Однажды она сорвалась. Джексон принёс какое-то убойное зелье. Они тут же раскурили. Оля подумала, как же она соскучилась по своей собаке. И чёрный пёс не преминул снова появиться и поманить её своей странной грустью.

Из Олиных записей в дневнике:

И вот, наконец, мы дошли до конца туннеля. Собака в разы подобрела. Она смотрела с чувством собственного удовлетворения на свой радужный мир. Её глаза по-доброму улыбались, как улыбаются старые люди, завидев лики жизни. Болотный мир манил меня, как рождение чуда.

Мы переступили туннель и продолжили свой путь, ступая по мягкому мху. Ноги проваливались, словно в бездну. Я слышала, как хлопает под ногами пустота. Мерзкая, воющая пустота.

– Потерпи! Это топкое место скоро закончится, – тут же отозвался пёс. – Его нельзя обойти окольным путём. Ты только не останавливайся.

– А что это за щупальца?

– Это злыдни Лихо Одноглазого. Если остановиться и дать щупальцам присосаться, то останешься в их объятиях навеки.

– В чьих объятиях?

– Лихо Одноглазого. Ты никогда не слышала о нём? Оно приходит вместе со своими злыднями. Оно заморит тебя, нагонит на тебя хандру, о которой ты даже не слышала. Имя ей рутинная вялая будней. Ты теряешь в ней себя, своё чувство полноты жизни. Тот, кто боится увязнуть в этой рутине, кто пасует перед трудностями жизни, попадает обязательно в ловушку злыдней Лихо Одноглазого. Они начинают окутывать человека потихоньку своими путами, навязывая ему неадекватную оценку себя самого и той ситуации, в которой человек оказался. Развеять миф некому. Злыдни лишают человека любви, страсти к тем вещам, что раньше имели для него смысл. Человек начинает терять вкус к жизни. Ни еда, ни питьё, ни секс – ничто больше не радуют его. Человеку становится всё равно, в каком он мире.

Он лишь скорбит по собственной утрате – по любви к жизни, вои и всё.

Лихо Одноглазое делает дом пустым, а души беспризорными. Но не это самое страшное, на что способно Лихо Одноглазое со своими злыднями. Страшно то, что они глумятся над историей человеческой, над пустыми храмами, над тем, что конкретно для этого человека или его предков было свято.

Что-то это место мне ужасно не нравилось. И зачем я во всё это ввязалась?! Ноги всё больше вязли в болотной жиже. Надо было двигаться вперёд, но меня пугали могильники, вставшие на нашем пути. Они, по-видимому, давно уже провалились наполовину в болотную муть. Кресты на могилах стояли, накренившись к земле, словно были подвешены в воздухе. Это место мне напоминало покинутый Богом край.

Собака не преминула кивнуть.

– Да, – сказала она, – это место действительно покинуто Богом. Здесь похоронены дети, от которых при жизни отреклись родители, открестились, как от слепых щенят. Вон там, видишь, на том холме находилась раньше часовня. Она утонула. Теперь вот на дне болота лежит. Это всё проделки злыдней Лиха Одноглазого. Они потехи ради её утопили.

– Мне страшно.

– Я знаю, – ответила собака.

– Я боюсь, что когда-нибудь на самом деле я останусь одна.

– Один на один со своей смертью? – снова прочитала мои мысли собака.

– Да.

– Так ты итак со мной, – сказала она, ухмыляясь.

Я так и остолбенела. Уставилась на неё, как заяц на слепящие фары несущейся прямо на него машины.

– Ну что поиграем? – заявила она, и с бесовской искоркой в глазах подмигнула. – В бессмертие.

– О нет! – крикнула я в отчаянии.

По болоту эхом доносилось: «Нет! Не-ет! Не-ет!»

Злыдни всё также протягивали свои щупальца и шептались:

– Сюда! Сюда! Иди к нам! Смерть там! Далеко. А здесь, в этом мире, тебя ждёт только возрождение.

Я проснулась в холодном поту. Рука непроизвольно потянулась к лежащему по соседству ноутбуку. Отгуглила: «Лихо Одноглазое кто это».

Мировая паутина тут же изрыгнула:

«Лихо Одноглазое – это мифическое существо, которое приносит людям несчастье. В русских народных сказках изображается в виде огромного, бесполого существа с одним

глазом. Лихо – воплощение злой доли. В народе говорят, коль пристало Лихо, то, если и есть что поесть и есть хочется, а не естся, спать хочется, а не уснешь. Душа не на месте. Тем не менее, согласно русским народным сказкам, человек сам виноват в том, что к нему привязалось Лихо. Только к тому, кто слаб духом и не пытается противостоять повседневным трудностям привязывается Лихо.»

А дальше ещё интересней:

«Образ Лихо Одноглазого восходит к наиболее древнему способу восприятия мира, противопоставляющему понятия своё и чужое.»

Я задумалась над последней фразой. По-моему, мы живём до сих пор по этому понятию. Не в этом ли противоборстве своего и чужого кроется глубокий смысл проблемы недоверия во взаимоотношениях, неверия в Инь и Янь?

Лихо... Лишний... Посторонний... По ту сторону... В нашей стране кто из нас им не был?

Мне говорят, расставь границы правильно. Легко сказать, но трудно сделать. Где они – границы-то эти? Ты живёшь в определённое время. В обозначенном на карте пространстве. Твой состав движется в заданном направлении. И вот ты замечаешь, что тебя постепенно вытесняют из вагона в вагон. Из вагона первого класса ты перебираешь-

ся в вагон второго. В том вагоне постепенно ты тоже становишься лишним. Ты перебираешься в вагон третьего класса. Но и там в скором времени ты лишний. В конце концов, ты думаешь: «Ну ничего. Перекантуюсь как-нибудь, а там, глядишь, всё само по себе образумится».

Тебе говорят – нужно расставить правильно приоритеты. Но как их расставить, если в душе ты всё никак не можешь смириться с теми правилами игры, что диктует тебе дежурный этого состава. Да и почему ты должен с ним мириться, если он действует, как тебе кажется, не по совести! В душе заселяется червь сомнения, который начинает грызть изнутри. И вдруг ты обнаруживаешь, что дверь для тебя в другие вагоны, как и в другие миры, закрыта. Навсегда закрыта. Соседи тебе уже объясняют, что это вон из-за того парня, что зашёл только что в вагон. От него все беды. Охотно веришь, чтобы хоть как-то себе объяснить тот факт, что дверь для тебя заперта и ты на этом празднике жизни лишний. И вот ты с тем парнем вступаешь в бессмысленный дискурс. А значит, между вами пробежало Лихо Одноглазое, которое пришло проверить вас.

Лихо начинает кружить тебе голову вокруг твоих собственных фантазий о том, кто ты, что ты из себя представляешь. Это так увлекает! С поезда уже не соскочить, зато можно пофантазировать. Ты перебиваешься из одной фантазии к другой на тему «Кто ты и, кто они», из одной мечты в другую. Ты до последнего предпочитаешь во-

дуть хороводы с Лихом, которого, впрочем, и не замечаешь, но уже замечаешь, в каком хлеву ты имеешь свободу передвижения и вид из окна. И вот, когда ты уже не в силах танцевать хоровод с Лихом, а заодно и с собственными фантазиями, Лихо Одноглазое тебя покидает. Оно сделало своё дело. Ты теперь смотришь на свою жизнь отстранённо, ничего не желая и ни во что не веря. И кушать хочется, а не кушается. И спать хочется, а не уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.